

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Руководитель магистерской программы
ВМ.5543.2016 "История"
д.и.н., проф. Федоров С.Е.

_____ / _____

Председатель ГЭК,
к.и.н. Алексеев А.И.

_____ / _____

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.В. САВИНКОВА

В 1917 ГОДУ

Д и с с е р т а ц и я

на соискание степени магистра по направлению 46.04.01 «История»
магистерская программа - ВМ.5543.2016 "История"

Рецензент:
к.и.н., старший научный
сотрудник Президентской
библиотеки им. Б.Н. Ельцина
Воронович А.В.

_____ / _____

Выполнила:
студентка
Дерун Д.В.

_____ / _____

Работа представлена в комиссию
«___» _____ 2016 г.

Секретарь комиссии:

Научный руководитель:
к.и.н., доцент
Ратьковский И.С.

_____ / _____

Санкт-Петербург
2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. Деятельность Б.В. Савинкова 1914 – весной 1917г.....	12
1.1. Эмиграция 1914 – 1917гг.....	12
1.2. Возвращение в Россию весной 1917г.....	25
2. Деятельность Б.В. Савинкова летом – осенью 1917г.....	35
2.1. Роль Б.В. Савинкова в выступлении генерала Корнилова.....	35
2.2. Участие Б.В. Савинкова в походе Краснова-Керенского на Петроград.....	55
3. Заключение.....	66
4. Список использованных литературы и источников.....	71

Введение

В настоящее время исследование проблем отечественной истории характеризуется переосмыслением имеющихся данных, фактов и подходов, постановкой еще не поднимавшихся ранее вопросов, введением в научный оборот дополнительной документальной базы. Современная политическая ситуация зачастую также ставит под вопрос общепринятую оценку исторических явлений и личностей, в особенности XX века, с которой историк должен бороться, не подстраивая факты под теорию. В данном ключе многообещающим представляется изучение биографий и деятельности личностей, имеющих неоднозначную оценку как в историографии, так и среди современников. Ярким примером подобной личности является Борис Викторович Савинков. Жизнь Савинкова, полная перипетий, интриг, идеологических метаний, психологических загадок и, самое главное, борьбы, является воплощением истории начала XX века.

Жизнь Бориса Викторовича Савинкова с некоторыми оговорками можно разделить на два крупных периода: первый – борьба с самодержавием в качестве ближайшего соратника лидера Боевой организации эсеров Азефа, второй – борьба с советской властью в годы Гражданской войны. Из этой схемы выпадают два менее продолжительных хронологически периода: жизнь Савинкова в годы эмиграции во Франции и государственная деятельность в революционном 1917 г. (Февральская революция 1917 года является некой границей между двумя крупными этапами). Этап борьбы с самодержавием, террористическая и литературная деятельность Савинкова достаточно широко освещена в историографии, ей посвящено множество научных работ. К этапу борьбы с советской властью было обращено внимание гораздо меньшего количества исследователей, а роль Савинкова в событиях 1917 года, на наш взгляд, является наименее изученным из всех периодов. Таким образом, в данное исследование закономерно сосредоточено на изучении непродолжительного, но очень значимого периода жизни данной исторической личности в 1917 г. Именно 1917 г. явился

блестящей возможностью для Савинкова проявить себя в непривычной для него роли человека, введенного в высшие эшелоны власти, имевшего возможность влиять на ход событий при помощи не подпольных, а официальных методов, проявить себя, как государственного деятеля в составе Временного правительства, используя свои незаурядные способности.

Следует отметить, что охарактеризовать деятельность Савинкова в 1917 г. невозможно без небольшого исторического экскурса, поэтому в данном исследовании уделено внимание периоду эмиграции Бориса Викторовича во Франции (1908 – 1917), особенно его работе на должности военного корреспондента во время Первой мировой войны. Нам представляется необходимым сделать акцент на данном периоде, поскольку он объясняет будущую позицию, занятую Савинковым по приезду в Россию среди поляризовавшегося общества, его отношение к вопросу о войне, определившем будущих сторонников и врагов, а также круг людей, которых он будет поддерживать и выдвигать на первые роли в политической жизни России.

Актуальность выбранной темы обуславливается возросшим интересом общества к истории своего государства, особенно на переломе эпох, а также к подобным Савинкову личностям, чья роль в истории и оценка деятельности вызывают ожесточенные споры в научной среде. В следующем году грядет столетие Февральской и Октябрьской революции, а также событий, затронутых в нашем исследовании, что безусловно увеличивает интерес к обозначенной нами теме и ее актуальность среди исследователей. Помимо этого, стоит отметить, что несмотря на возросший интерес к личности Б.В. Савинкова, изучение 1917 г. в его биографии, на наш взгляд, недостаточно, нет ни одной монографии, посвященной данному вопросу. Таким образом, степень изученности данного периода также подразумевает интерес к нему со стороны исследователей и, соответственно, актуальность работы.

Характеризуя степень изученности темы, стоит отметить недостаточную ее разработанность, что объясняется гораздо большим

интересом исследователей к более раннему или к более позднему периоду жизни Савинкова. Несмотря на это, в работе была предпринята попытка представить деятельность Савинкова интересующего нас периода во всей ее многогранности.

Первый анализ политической деятельности Савинкова делается в работах представителей русской эмиграции, наиболее значимым из которых для нас является «Очерки русской смуты» А.И. Деникина, где роль Савинкова в попытке установления диктаторского режима оценена четко и недвусмысленно¹.

Значительное число работ, посвященное деятельности Савинкова, вышло после его ареста в 1924 и прошедшего вскоре после этого громкого судебного процесса над ним, получившего обширный политический резонанс, а затем и таинственного самоубийства (что тоже является дискуссионным вопросом). Материалы дела Савинкова были быстро опубликованы, на их основе была создана попытка разгадать загадку личности этого человека и дать ей адекватную оценку. Эталоном оценки деятельности Бориса Викторовича на долгие годы стала статья Луначарского «Артист авантюры», основанная на классовом подходе с учетом своеобразия и неординарности его натуры². Развивая ту же тему, в 1925 г. выходит сборник «Загадка Савинкова», куда помещаются статьи о Савинковых таких авторов, как И. Полтавский, А. Кольчугин, И. Лебединский. В центре их внимания оказываются темы ареста Савинкова, его самоубийства, мотивов признания им советской власти³. В то же время во второй половине 1920-х гг. появляются статьи, проливающие свет на такие пока малоизученные эпизоды в жизни Савинкова, как его деятельность на посту управляющего военным министерством Временного правительства в 1917 г.

---

¹Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917 г. Репринтное воспроизведение / А.И. Деникин. М.: Наука, 1991. – 518 с.

²Луначарский А. Артист авантюры / А.В. Луначарский // Коммунистический путь. Саратов, 1924. – № 20. – С. 41-45.

³Загадка Савинкова: Сборник / Под ред. П.А. Арского. Л., 1925. – 96 с.

Таким образом, данными исследованиями закончился первый этап в изучении интересующего нас периода, который характеризовался в основном публицистическим и обличающим характером статей, основанных на воспоминаниях современников, материалов дела, где зачастую собственным обличителем выступал сам Савинков.

Интерес к личности и деятельности Савинкова вернулся лишь в 1960-е – 70-е годы, но он был связан с изучением истории ВЧК-ОГПУ и операции «Синдикат-2», в ходе которой Савинков был завлечен в Советскую Россию и арестован. Только в 1970-1980-х гг. получила свою дальнейшую разработку тема деятельности Савинкова в 1917 году в составе Временного правительства. В книге Н.Я. Иванова «Контрреволюция в России в 1917 г. и её разгром» дана довольно подробная характеристика контрреволюционной деятельности Савинкова и его инициативам во внутренней политике Временного правительства⁴. В работе Г.З. Иоффе «Белое дело. Генерал Корнилов» показана посредническая миссия Савинкова между Керенским и Корниловым⁵. Изданная коллективом авторов книга «Октябрьское вооружённое восстание: Семнадцатый год в Петрограде» освещает роль Савинкова в походе Краснова-Керенского на Петроград, фиксируя тем самым начало его вооружённой антисоветской деятельности⁶.

Новый период в изучении нашей проблемы наметился с конца 1980-х и длится до сих пор. Он посвящен переосмыслению и переоценке принятых ранее умозаключений, что было обусловлено демократизацией архивной системы страны и возможностью получить доступ к ранее засекреченным файлам. Исследователи пытались понять, был ли Савинков романтиком революции или же обыкновенным контрреволюционером на втором этапе

---

⁴Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 году и её разгром / Н.Я. Иванов. М.: Мысль, 1977. – 271 с.

⁵Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов / Г.З. Иоффе. М.: Наука, 1989. – 286 с.

⁶Октябрьское вооружённое восстание. Семнадцатый год в Петрограде. В 2-х кн. Кн. 2. Вооружённое восстание. Победа социалистической революции / Отв. ред. А.Л. Фрайман. Л.: Наука, 1967. – 611 с.

своей жизни. Ряд исследователей (Шенталинский, Жуков) приходят к мысли, что жизнь Савинкова – трагедия революционера-идеалиста⁷. Д. Жуков в своих публицистических статьях затронул историко-философский аспект судьбы Савинкова в его борьбе с советской властью, он впервые привлекает для этого значительный пласт недоступных прежде писем и корреспонденций Бориса Викторовича, находящихся в архивных фондах, что безусловно является полезным для нашего исследования. Из более современных работ следуют выделить статью И. Архипова, где подробно исследуется деятельность Савинкова на протяжении всей его жизни. ссылка Значительная часть статьи посвящена интересующему нас периоду 1917 г., автор использует ранее не встречавшиеся фрагменты источников, что было активно использовано нами в работе над второй главой данного исследования⁸. Публицистическая работа исследователя Р. Городницкого посвящена мало изученной жизни Савинкова в эмиграции, что обусловило ее полезность при работе с первой главой⁹.

Источниковая база нашего исследования в основном базируется на корпусе источников личного происхождения.

Первая группа указанного корпуса источников принадлежит перу самого Савинкова. Своей публицистической и автобиографической активностью он внес заметный вклад в осуществление собственной деятельности. Ряд исследователей отмечал, что он документировал всё и предпринимал значительные усилия, чтобы сохранить личный архив: «аккуратность его в документации своей деятельности, в тщательности хранения записных книжек, выписок, писем, несмотря на подвижный образ жизни...». Это наблюдение Д. Жукова точно характеризует творчество

---

⁷Шенталинский В. Свой среди своих: Савинков на Лубянке / В. Шенталинский//Новый мир. – 1996. – № 7. № 8. Жуков Д.А. Б. Савинков и В. Ропшин: террорист и писатель / Д.А. Жуков // Савинков Б.В. То, чего не было. М.: Современник, 1992.

⁸Архипов И. Борис Савинков: террорист и литератор // Звезда, 2008, №10.

⁹Городницкий Р.А. Савинков в 1911 – 1914 гг. // Вопр. отеч. истории и историографии. М., 1999. Вып. 2.

Савинкова, как сознательно документальное, что, безусловно, существенно повышает его ценность. Подобный поступок можно объяснить или педантичностью человека, или, что скорее, желанием войти в историю и заявить о себе. Можно сказать, что Савинков стал первым исследователем собственной деятельности, которой он старался придать необходимую для него трактовку. Практически сразу после событий конца августа 1917 года выходит его публицистическая работа «К делу Корнилова», где Борис Викторович пишет о генерале Корнилове и своей работе с ним, объясняя мотивы собственных поступков¹⁰. В 1920 г. из политических соображений он выпускает брошюру, повествующую о своей борьбе с большевиками, где затрагивает и необходимый нам период конца 1917 г¹¹. Исключением является сборник корреспонденций с фронта периода эмиграции во Франции, где Савинков увлеченно повествует не о себе и собственной деятельности, а о событиях на фронте, различиях между психологией представителей разных народов, отношении к войне, разбавляя их апокалиптическими отступлениями. Таким образом, книга «Во Франции во время войны» стала важным источником для написания части первой главы, посвященной эмигрантскому периоду жизни Б.В. Савинкова¹².

Вторая группа источников представляет собой мемуары современников Савинкова, его сторонников и противников, коллег по партии или по работе. Публикации мемуарного характера людей, с которыми доводилось общаться Савинкову, представляют собой материал, незаменимый при написании исследования. Благодаря ним можно выявить недостающие характеристики личности, эпизоды жизни, что способствует более объективной оценке его деятельности, тем более что авторами воспоминаний или дневников были люди различных политических убеждений. Для нас наиболее важными

---

¹⁰Савинков Б. К делу Корнилова. Париж, 1919. – 36 с.

¹¹Савинков Б.В. Борьба с большевиками / Б.В. Савинков. Варшава: Изд-во РПК, 1920. – 48 с.

¹²Савинков Б. Во Франции во время войны. М., 2008.

являются мемуары генералов А.С. Лукомского¹³, П.Н. Краснова¹⁴, А.И. Деникина¹⁵, премьера А.Ф. Керенского¹⁶, а также одного из ближайших сотрудников Савинкова Ф.А. Степуна¹⁷, которые освещают деятельность Савинкова в 1917 году. Переизданы и дневники близко знавшей Савинкова многие годы З.Н. Гиппиус, дающие характеристику загадочной личности Савинкова, его планам на будущее, а также внутреннему психологическому состоянию во время пребывания в эмиграции¹⁸.

Третьей группой источников является обширное эпистолярное наследие Савинкова, представляющее большой интерес и ценность для исследователя. В основном, это переписка с родственниками и представителями русской интеллигенции за рубежом, дающая понимание мотивов его поступков, чувств, устремлений и планов. Для нашего исследования оказалась полезной переписка Савинкова с матерью, публицистами Бурцевым и Философовым, писателями и поэтами З. Гиппиус, А.В. Амфитеатовым, И. Эренбургом, М. Волошиным и др¹⁹.

---

¹³Лукомский А.С. Из воспоминаний. Корниловское выступление и начала Добровольческой армии / А.С. Лукомский // Архив русской революции. Т. 5-6. – М., 1991.

¹⁴Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции, т. 1., Берлин, 1922.

¹⁵Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917 г. Репринтное воспроизведение / А.И. Деникин. М.: Наука, 1991. – 518 с.

¹⁶Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары / А.Ф. Керенский. М.: Республика, 1993. – 383 с.; Керенский А.Ф. Гатчина. М. – 1922.

¹⁷Степун Ф. А. «Из писем прапорщика артиллериста», 1917, 2-е изд., Прага, 1926; Степун Ф. А. «Бывшее и несбывшееся», New York, 1956, 2-3 изд. — London, 1990.

¹⁸Гиппиус З.Н. Дневники. Кн. 2. / З.Н. Гиппиус. М.: Интелвак, 1999. – 720с.

¹⁹Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915-1918). Подборка материалов // Звезда. 1996. – № 2. – С. 157-201.; Амфитеатов и Савинков: переписка 1923-1924. / Публ. Э. Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева // Минувшее: Исторический альманах. М. – СПб, 1993. – Т. 13. – С. 72-160.; Гиппиус З. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914—1918. Белград, 1929.

Отдельной группой источников являются документальные материалы по политическим делам – «Дело Бориса Савинкова»²⁰ и сборник «Борис Савинков на Лубянке»²¹, где мы можем найти информацию не только о ходе процесса, а что наиболее важно, по объяснению Савинкова мотивов своей деятельности в рамках интересующего нас периода с новой стороны, где Борис Викторович является собственным обличителем, а не человеком, пытающимся оправдаться. Важным источником данной группы является «Дело Корнилова» – составленный Керенским сборник материалов (протокол допроса, записи переговоров) с комментариями²².

В ходе написания работы объектом исследования служила неоднозначная и разноплановая личность Б.В. Савинкова. Предметом исследования была выбрана деятельность Савинкова в 1917 г. Объект и предмет исследования обусловили те цели и задачи, которые были поставлены в процессе исследования данной темы.

Цель нашей работы – дать характеристику деятельности Б.В. Савинкова и его роли в Российской истории в революционном процессе 1917 г.

Задачи данного исследования:

- на основе фактического материала восстановить недостающие подробности биографии Б.В. Савинкова в 1914-1917 гг.
- выявить степень его влияния на происходившие исторические процессы и события
- определить отношение Савинкова к его политическим союзникам и оппонентам
- выявить мотивы его поступков в критических ситуациях
- определить степень его зависимости от окружавших его политических сил.

Хронологические рамки исследования заключены в 1908 – 1917 гг., где 1908 г. является началом эмиграции Савинкова и смены его ориентиров, что является необходимой уступкой стройности повествования для обоснования

²⁰ Дело Бориса Савинкова. М. 1924.

²¹ Борис Савинков на Лубянке. Документы / Научн. ред. А.Л. Литвин. – М.: РОССПЭН, 2001. – 576 с.

²² Керенский А. Ф. Дело Корнилова. — М.: Задруга, 1918. — 194 с.

мотивации человека и дальнейших его поступков, а конец 1917 г. ознаменован началом борьбы с большевиками и уходом в оппозиционный официальной власти лагерь. Данное исследование представилось верным разделить на две исследовательские главы по хронологическому и логическому принципу в соответствии с периодами жизни Б.В. Савинкова. Первая глава «Деятельность Б.В. Савинкова 1914 – весной 1917 г.», разделенная на две части, посвящена, соответственно, периоду эмиграции Савинкова и возвращению в Россию. Вторая глава «Деятельность Б.В. Савинкова летом-осенью 1917 г.» включает в себя часть, посвященную деятельности Савинкова в составе Временного правительства и участие в выступлении генерала Корнилова, а также часть, повествующую об участии Бориса Викторовича в походе Краснова-Керенского на Петроград.

С целью объективного изложения интересующей нас темы исследования при написании работы соблюдался принцип историзма. В исследовании использовались сравнительно-исторический анализ источников, ретроспективный и хронологический методы исторического анализа. Также был применён общенаучный метод системного обобщения материала.

1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.В. САВИНКОВА 1914 – ВЕСНОЙ 1917 Г

1.1. Эмиграция 1914 – 1917 гг.

1908 – 1909 гг., первые послереволюционные, эмигрантские годы Савинкова знаменуют его вынужденный отход от террористической деятельности и обращение к литературному творчеству, первые попытки которого, как известно, относились к 1899 – 1902 гг. (пребывание в Петропавловской крепости и вологодской ссылке).

Литературно-публицистическая деятельность на какое-то время вывела Савинкова – Ропшина из негатива послереволюционных событий 1908 – 1909 гг. и последовавшей вслед за этим тяжелой депрессии 1910 – 1914 гг., когда, казалось, и революция, и «тотальный террор» отошли в безвозвратное прошлое. Литературное творчество явилось в определенной мере – наряду с любовными победами над женщинами («один из пунктов его обостренного честолюбия и самолюбия»²³), игрой в казино и рождением сына Льва – внутренней компенсацией после утраты внешнего блеска славы, разлада с окружающими знакомыми и товарищами, с ЦК партии эсеров, наконец, с самим собой, – после краха Боевой организации.

Б.В. Савинков тяжело переживал отход от политической подпольной деятельности, разрыв с партией в связи с разоблачением Азефа, поведение которого бросило тень на всю партию эсеров в общем, и на Савинкова в частности, блестящая «карьер» и слава уходили в прошлое. Все эти события не могли не сказаться на психологическом состоянии и без того противоречивой личности Бориса Викторовича. Незадолго до разоблачения Азеф дал следующую характеристику Савинкову: «...Б. В. Савинков представляет собой наиболее опасный тип противника монаршей власти, ибо он открыто и с полным оправданием в арсенал своей борьбы включает убийство... Близкие и хорошо знающие его люди обращали наше внимание на сочетание в нем конспиративного умения и выдержки с

---

²³Из донесения французской разведки о Б.В. Савинкове. Жуков Д.Б. Савинков и Ропшин: террорист и писатель // Наш современник. 1990. №8. С. 164 – 177.

неврастеническими вспышками, когда в гневе и раздражительности он способен на рискованные и необдуманные поступки»²⁴.

Спустя десятилетие после слов Азефа, свою характеристику Савинкову, которая свидетельствует о том, что прошедшие годы мало изменили Бориса Викторовича, дал Уинстон Черчилль: «Невысокого роста, с серо-зелеными глазами, выделяющимися на смертельно-бледном лице, с тихим голосом, почти беззвучным. Лицо Савинкова изрезано морщинами, непроницаемый взгляд временами зажигается, но в общем кажется каким-то отчужденным... странный и зловещий человек, ... непримиримый, смелый, редкой выносливости...». Похожую картину рисует и другой знакомый Савинкова – писатель и, по совместительству, сотрудник английской разведки Сомерсэт Моэм²⁵.

С самого начала взрослой литературной деятельности Савинкову покровительствовали и всячески помогали супруги З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский. В том числе, Гиппиус отметила и противоречивость характера Савинкова и влияние одного на его творчество: «... в душе, где непрерывно сталкивались такие огромные противоречия, ни одна, самая яркая, способность не могла бы дойти до остроты гениальной»²⁶. Не смотря на подобное мнение, с легкой руки именно Зинаиды Гиппиус, Савинков берет псевдоним «В. Ропшин» и обретает популярность как писатель. Очень стремительно Борис Викторович входит в ближайший круг общения Мережковского и Гиппиус, так же стремительно развивается и его творческая карьера: знакомство писательской четы и Савинкова состоялось 25 февраля 1908 г., а уже в начале 1909 г. под подсказанным Зинаидой Гиппиус псевдонимом первое прозаическое произведения Б.В. Савинкова «Конь бледный» печатается в престижном журнале «Русская мысль». Не без

---

²⁴ Жуков Д.Б. Савинков и Ропшин: террорист и писатель // Наш современник. 1990. №9. С. 159 – 160.

²⁵ Там же. С. 157.

²⁶ Жуков Д.Б. Савинков и Ропшин: террорист и писатель // Наш современник. 1990. №8. С. 164.

помощи Гиппиус и занимавшегося в том числе и издательской деятельностью Мережковского довольно быстро стихотворные произведения Бориса Викторовича стали оцениваться в 50 к. за строчку (дороже не платили на тот момент никому), а роман «Конь бледный» был издан М.О. Вольфом в 1912 г. тиражом свыше 3 тыс. экземпляров, Савинков же по условиям авторского договора получал 10% от цены каждого проданного экземпляра книги. Благодаря успехам на литературном поприще Борису Викторовичу удавалось содержать новую семью, высылать деньги прежней, снимать виллы на побережье Италии и Франции – то есть существовать в эмиграции.

В 1910 г. Савинков с новой женой – Евгенией Ивановной Зильберберг жил в отеле «Радиум» в Монте-Карло. В декабре 1910 г. в казино Борис Викторович проиграл все свои сбережения и все деньги невестки жены. Развившаяся страсть к азартным играм, дорогие рестораны, расходы на новых родственников уже не компенсировались иссякающими гонорарами, в связи с чем в январе 1911 г. Савинков пытается вновь заняться литературной деятельностью, но попытка не увенчалась успехом. В итоге он забросил сочинительство, считая себя «гнуснейшей бездарностью», и прекратил общение с Мережковскими. Вообще, в период 1909 – 1914 гг. он постепенно рвет свои связи и знакомства, всё больше погружаясь в состояние глубокой депрессии. Депрессия Савинкова усиливалась с потерей близких товарищей по БО и с невозможностью общения с оставшимися в живых. Ближайший друг и соратник Бориса Викторовича по Боевой организации М. Прокофьева медленно умирала в Давосе в санатории для больных туберкулезом. К концу 1911 г. Савинков констатирует, что у него «ничего не осталось из прежних сил», что он больше не верит в свои организаторские способности, что из его трудов в БО «не вышло ничего, хуже, много хуже, чем ничего».

К марту 1911 г. Савинков вместе с семьей и М. Прокофьева сняли виллу «Ля Сурс» под Каннами, к осени перебираются южнее, в Сан-Ремо, остановив свой выбор на вилле «Соларо», где в августе 1912 г. у него родился сын Лев, в пределах Российской империи считавшийся незаконнорожденным.

Таким образом, новую семью из шести человек с обслуживающими ее докторами обеспечивал один Борис Викторович. Помимо этого, вплоть до 1917 г. он отправлял деньги и прежней семье – формальной супруге Вере Успенской и двоим их общим детям – Татьяне и Виктору. За счет Савинкова, формально – в долг, жил и его знакомый С.Н. Моисеенко. Данные условия заставляли Бориса Викторовича активно заниматься литературной деятельностью, поскольку она являлась единственным источником дохода для большого круга людей, за которых он нёс ответственность. За пределами дома в этот период Савинков наиболее тесно сошелся с Пинхусом Моисеевичем Рутенбергом – «единственно близким себе человеком» вплоть до 1914 г. Считается, что их связывало «общее ощущение себя аутсайдерами на поле жизни ПСР»²⁷. Однако после начала Первой мировой войны их отношения разладились в связи с откровенно непатриотичной позиции Рутенберга.

Как сообщала в Петербург русская заграничная агентура, к декабрю 1912 г. «члены бывшей БО поселились совершенно открыто в странах Западной Европы и стали вести чисто буржуазный образ жизни, поддерживая между собой лишь отношения преимущественно личного характера»²⁸. По словам исследователя Р.А. Городницкого, в случае с Савинковым, всё было не совсем так: «Савинков был связан с большим числом партийных и околопартийных лиц; они могли вызывать его уважение в большей или меньшей степени, но почти никогда у него не возникало с ними интимно-доверительных отношений»²⁹. Исключение составлял, пожалуй, лишь Илья Сидорович Фондаминский. Однако и с ним к концу эмигрантской жизни отношения зашли в тупик, особенно после того, как Фондаминский в письме

---

²⁷Городницкий Р.А. Савинков в 1911 – 1914 гг. // Вопр. отеч. истории и историографии. М., 1999. Вып. 2. С. 15 и след.

²⁸Городницкий Р.А. Савинков в 1911 – 1914 гг. // Вопр. отеч. истории и историографии. М., 1999. Вып. 2. С. 25 и след. Из 27 лиц, находившихся за рубежом под наблюдением охраны, пять человек были членами семьи Савинкова. Их почта перлюстрировалась.

²⁹Там же. С. 24.

к Савинкову поддержал супругов Цетлиных, оказавших финансовую помощь К.К. Зильберберг, но отказавших в ней самому Савинкову. Обиду на Цетлиных нуждавшийся в деньгах гордый и уязвленный Борис Викторович не смог забыть уже никогда, а персонажи типичных буржуа и рантье в его произведениях получали их черты: «Пройдут годы, а я буду помнить, как поступил со мной Цетлин... Ему я не прощу никогда. Большого унижения я не переживал»³⁰.

Основания для недовольства Савинковым у Цетлиных оказались достаточно весомыми, поскольку творческие успехи Бориса Викторовича вылились в новый роман – «То, чего не было», повлекший за собой скандал в среде бывших и настоящих революционеров, первые главы которого начали выходить с апреля 1912 г. в журнале «Заветы». Роман «То, чего не было» – это литературно оформленное, крайне критичное размышление о революции 1905 – 1907 гг. Реакция на сочинение последовала незамедлительно. Сначала двадцать два старых народника прислали в журнал «Заветы», где в 1912 – 1913 гг. печатался роман, открытое письмо, в котором призывали приостановить публикацию. Это письмо можно рассматривать, как попытку ввести в революционную печать внутреннюю цензуру, чтобы спасти свою честь³¹. Савинков самим фактом публикации романа бросил вызов не только партийным структурам, но и моральному авторитету лиц, его олицетворявших. С 1913 г., несмотря на активную поддержку творчества В. Ропшина самим Г.В. Плехановым³², Б.В. Савинков становится «одиозной фигурой» в партии.

К лету 1913 г. роман был напечатан полностью, а Савинков исчерпал себя и снова впал в состояние глубокой депрессии (усугубила его состояние смерть 16 июля 1912 г. Марии Прокофьевой). «До смерти надоели юг,

---

³⁰Там же. С. 23.

³¹Там же. С. 29-30; Жуков Д.Б. Савинков и Ропшин: террорист и писатель // Наш современник. 1990. №9. С. 164 и след.

³²См. подробнее в Городницкий Р.А. Савинков в 1911 – 1914 гг. // Вопр. отеч. истории и историографии. М., 1999. Вып. 2. С. 30.

пальмы, море, лимоны и итальянцы», – мрачно констатирует Борис Викторович и переезжает с семьей во Францию, сняв в предместье Ниццы виллу «Лё Ваг» с намерением всерьез продолжать занятия литературной деятельностью³³. К ним Савинкова побуждают не столько душевные порывы, сколько долг, отвращение к русскому эмигрантскому обществу и скептицизм в отношении революционного будущего России. В мае 1914 г. он переезжает на виллу «Нанеги», но переезд не дает положительного эффекта – кажется, что муза отвернулась от писателя: «Все свои писания я выкинул в окно», – пишет он в 1914 г. Фондаминскому³⁴.

Бориса Викторовича охватывает отчаяние – налицо душевная пустота, умственное истощение, позади – блестящее революционное прошлое, но это «то, чего не было», оно перечеркнуто, впереди – беспросветное будущее, полное долговых расписок. Однако, летом 1914 г. разразилась мировая война, где Франция, в которой нашел убежище Савинков, и Россия, которую он покинул, выступили единым фронтом, а в самого Савинкова – Ропшина эта война вдохнула новую жизнь.

Первая мировая война, разразившаяся в Европе, имела для некоторых людей эсхатологический оттенок: она казалась войной последней, решающей все проблемы, скопившиеся в русском и европейском обществах за весь XIX век. Большинство же населения европейских стран, включая Россию, верило в то, что все войны остались в прошлом, и XX век открывает эру автомобилей, радио, электричества, лифтов, аэропланов и коммунального благополучия. Однако, после англо-бурской войны с ее концлагерями и русско-японской, первой империалистической, войны с ее минометами привели многих людей к мысли, что вскоре европейские империи сойдутся в смертельной схватке, а новые изобретения получают своё настоящее применение – военное.

Борис Викторович Савинков же не избежал характерной психологической особенности некоторых людей – отождествлять ход

---

³³Там же. С. 32.

³⁴Там же. С. 33.

собственной жизни с ходом истории (например, упадок собственных физических и духовных сил с мировым упадком, закат своей жизни – с «закатом Европы»). Мировую войну, названную впоследствии «Первой», он искренне считал последней, но последней для себя.

Савинков встретил начало мировой войны возбужденно, даже восторженно, она вывела его из глубочайшей депрессии. Не зря современники и исследователи говорили о том, что смыслом его жизни была борьба, без неё он терял интерес к жизни, творчеству – всему, что происходило вокруг. С первых строк его фронтовых корреспонденций вложенными в уста французского солдата прорываются его собственные сокровенные мысли: «Знаете, что? Ведь это последняя война... Германия будет разбита, и никогда не будет больше войны... Не надо войск... Не надо вооружений! Люди, все люди будут, как братья. Не так ли?..»

Особенность Савинкова состоит в том, что он видит в начавшейся катастрофе проявление апокалиптических предсказаний. Цитаты из Библии – прямые и переложенные – красной нитью проходят через всю книгу: их в тексте более двадцати на триста страниц. Немцы как седьмая казнь египетская, всадники в «бронях огненных», библейские сюжеты постоянно мелькают на заднем плане среди описания окопной жизни и трудностей войны.

По горячим следам Савинков-Ропшин описывает то, о чем не любят вспомнить ветераны. В этом и есть вся сила ропшинского повествования, в этом историческая, научная ценность его фронтовых корреспонденций. И сквозь бытовой реализм проступают сокровенные для самого автора вопросы, обращенные, в том числе, и к своему революционно-террористическому прошлому: «Я спрашиваю: разве это не разбой для разбоя, для удовольствия уничтожить, почувствовать свою безграничную власть?»³⁵. Наблюдая войну с разных точек зрения, из парижского кафе и из окопов на Марне, Савинков приходит сам и подводит читателя к следующему выводу: «Война не только страшная вещь. На войне проявляется то скрытое,

---

³⁵ Савинков Б. Во Франции во время войны. М., 2008. С. 102 – 103.

сокровенное, что дремлет в каждом из нас. Одни режут уши, рубят головы и зарывают живых. Другие – разговаривают легкоязычно. Третьи самоотверженно отдают свою жизнь. И лишь немногие умеют любить – любить ближнего своего, как самого себя»³⁶.

Постепенно Савинков начинает задумываться о своей роли военного корреспондента, о том, каковы его задачи в освящении событий. В этом ключе полезно заметить, чем интересуются люди в столице и непосредственно в районе боевых действий, что востребовано для читателя. «В Париже важно доподлинно знать, как дела вообще – обошли ли французы немцев, не прорвали ли немцы линию войск? Париж занят войной, политикой, смертью румынского короля, переменами в министерстве, сплетнями в Бордо». В противоположность Парижу приводится городок Мондидье, находящийся в полосе фронта: «... он не интересуется тем, что сказал лорд Альдан и какие статьи написал Баррес, Эрве или Анатоль Франс. Мондидье думает о своем, ежедневном, уездном. Есть ли немцы в Руа? Чем закончилась ночная атака? Много ли сегодня потерь? Почему соль и сахар? Есть ли в лавках табак? Жив ли лейтенант Х?... А главное, единственно важное, - будут бомбардировать или нет?... Здесь живут в единении с войсками. Здесь знают, что значит три недели не выходить из траншей, три недели рисковать жизнью, три недели убивать, видеть раненых, ходить в штыки. Здесь знают также без слов, что когда человек защищает свой дом, своё Отечество и семью, то неуместно спрашивать о «духе». Здесь видят похороны... Какой «дух» еще нужен?... Здесь не издеваются над врагом, не смеются над немецкой «культурой», не негодуют на немецкое лицемерие. Здесь знают, что если немцы займут Мондидье, французы будут бомбардировать город... Здесь нет возвышенных фраз, напыщенной лжи, дешевого красноречия. Здесь всё просто, естественно и понятно, как проста и естественна смерть»³⁷. Савинков-Ропшин, как и журналисты французских

---

³⁶Там же.. С. 87.

³⁷Савинков Б. Во Франции во время войны. М., 2008. С. 68 – 69.

центральных газет, часто срывается на рассказы «о трусости немцев, их жестокости, о Реймском соборе». Но, возвращаясь на передовую, понимает, что это не важно. «Сколько раз слышал я на линии войск: «Не цензура страшна. Страшно то, что газеты делают из войны анекдот. Надо говорить правду или не говорить ничего». И сколько раз я слышал в Париже: «Ложь есть конь во спасение... Умная ложь возвышает воинский дух»...»³⁸. В связи с этим перед Савинковым встает вопрос, как же писать? На фронте ложь вызывает возмущение, она там никому не нужна; в тылу ложь вселяет уверенность в себе, усыпляет страх перед невидимым противником: анекдотических немцев новобранцы боятся меньше. Савинков-Ропшин выбирает свой путь – он будет пересказывать солдатские записные книжки или брать окопные интервью у молодых офицеров.

Перед военным корреспондентом всегда стоит морально-этический вопрос, какие вещи стоит публиковать, а какие нет, какой эффект они произведут на читателя. Не избежал этой дилеммы и Савинков. «Прожить в яме неделю, месяц, сорок два дня... Не иметь ни табаку, ни газеты, ни писем, не раздеваться, не мыться, есть консервы и сухари. Но ведь так живут только в сказках, в романах Жюль Верна и Даниеля Дефо. Когда издали слышишь пушки, сперва становится стыдно. Через час – неприятно. Через шесть часов – жутко. Когда слышишь скрип далёкой шрапнели, вспоминаешь о смерти. Когда жужжит случайная пуля, не думаешь ни о чем, всё становится «всё равно»...»³⁹. Стоит ли это рассказывать новобранцам? Или то, что пулемёты работают, как «садовые лейки», как расстреливают дезертиров, предателей и коллаборационистов, что «нет сражения, нет поединка, а есть спокойный и точный расстрел» идущей по дороге колонны солдат? Как бы восприняли в вечерней парижской прессе подобные строки: «Мы стреляли шрапнелью, стреляли из всех орудий, стреляли как по игрушкам, стреляли долго, жадно,

---

³⁸Там же. С. 76.

³⁹Савинков Б. Во Франции во время войны. М., 2008. С. 91 – 92.

как дикари... Это было очень удачное дело...»⁴⁰. В. Ропшин делает свой выбор и предпочитает учить тыловиков – будущий солдат – урокам окопной жизни: «Не верьте, когда вам рассказывают про «храбрость». Все мы храбры. И все мы боимся. И немцы тоже. Так человек устроен. Да и не в том дело, чтобы ничего не бояться, а в том, чтобы раз и навсегда понять, что не время себя жалеть. Тогда легче...»⁴¹. Ещё один урок новобранцам, перекликающийся с любовью к России и верой в победу: «В этой «машинной» войне победит не тот, кто выльет лучшую пушку, а тот, в ком глубже вера и жарче любовь. Победит многострадальная и великая в своем самоотречении Россия».

Достаточно часто в корреспонденциях Ропшина проходят описания французских и английских солдат и офицеров, сходств и отличий обеих союзнических армий. «Очень просты и читсы английские войска. Их консервы лучше французского «singe». Их офицеры менее заметны, их солдаты моложе, их лошади крепче. Англичане всегда смеются. Курят и улыбаются во весь рот... Какая уверенность в грядущей победе...»⁴². Но вот французский полк, побывавший в недавнем бою: на лицах солдат – печать смерти. «Люди шли в боевом порядке. Но мне казалось, что они ничего не видят кругом. Мне казалось, что они спят на ходу. Бледные, - нет, не бледные – землисто-желтые лица, полузакрытые, с черными кругами, глаза, неуверенные и медлительные шаги. А главное – загадочное молчание. Точно похороны, точно неуместно смеяться и говорить»⁴³.

В характеристиках союзнических армий и их отдельных представителей есть доля пафоса и некоторого огрубления, но во многом Борис Викторович оказался прав. «Англичанин думает и – исполняет свой долг. Француз чувствует и – самоотверженно умирает...». Английского

---

⁴⁰Там же. С. 91.

⁴¹Там же. С. 101.

⁴²Там же. С. 70.

⁴³Там же.

пехотинца, Tommy⁴⁴, Савинков характеризует так: «Но когда я вижу этих мужественных людей, когда я вижу, каким спокойствием, какой уверенностью в себе дышат их лица, я знаю без слов, что их хватит надолго – на год, на два, если нужно, на десять лет, до тех пор, пока Германия не будет побеждена». В противоположность Тому, французский солдат «вынослив, решителен и отважен. Но его душа неспокойна. В нем нет уверенности в себе, непоколебимой веры, что он сильнее немецкого пехотинца. Он умрёт, быть может, лучше, чем англичанин, быть может, легче отдаст свою жизнь, но он помнит осаду Парижа... Англичанин не допускает мысли о поражении. Англичанин верит, что он сильнее француза, бельгийца и немца. Француз может пойти в штыки без поддержки своей артиллерии, с расстояния в один километр. Пойти на верную смерть. Пусть убьют: Viva la France! Англичанин сражается не для славы. Он сражается, чтобы уничтожить врага. Именно уничтожить... Он на войне играет в футбол, берет ванну и устраивает five o'clock tea. И я верю: Эрве и лорд Керзон, соединившись, должны победить. Отвага французов и обдуманное спокойствие англичан – залог конечной победы»⁴⁵.

Помимо характеристики союзнических армий, Савинков – Ропшин даёт сравнительное описание других народов и культур, занесенных в Европу во время войны. Например, Борис Викторович описывает индийца племени гурка, заслужившего крест королевы Виктории за то, что в одиночку ночью ножом зарезал нескольких немцев. «Лик брахманского бога. Этот лик загадочен и туманен, я ничего не читаю в его глазах. Я не вижу за ними души. Я не знаю её. Я не умею её понять. Мы – люди разных желаний, разной мысли, разной молитвы. Этот долгий, внимательно устремленный взгляд мне так же чужд, как чужды пальмы на юге»⁴⁶. В то же время сикх напоминает корреспонденту русского крестьянина: «добродушен, вынослив и терпелив.

---

⁴⁴Прозвище, собирательный образ английского солдата.

⁴⁵Там же. С. 104 – 105.

⁴⁶Савинков Б. Во Франции во время войны. М., 2008. С. 112.

Он иного цвета, чем я, но я не чувствую враждебного отчуждения. Я не умею с ним говорить, но мне кажется, что я понимаю его без слов. Гурка ночью ползет, как змея. Режет. Радостно убивает. Сикх отсиживается в траншее, мокнет, ждёт, как раб, приказания. Он идет в атаку без гнева, только потому, что нельзя не идти, что на войне нельзя не убить... Где я видел эту улыбку? В Рязанской губернии, у приятеля – егеря Ваньки? Или на вербах, на Девичьем поле, в Москве?.. И снова оба будут жертвовать своей жизнью. Где же ключ к этой тайне? К вечной тайне вечной вражды?»⁴⁷.

В культурном плане В. Ропшин сближает англичан и французов в противоположность немцам и русским. Он даёт сравнительные характеристики уставным отношениям, господствующим во французской, германской и русской армиях. На войне нет различий между английскими офицерами и солдатами, они «не разбирают чинов». Если Томми «нашёл хорошее помещение, он имеет на него такое же право, как и любой офицер». «Разумеется, в английской армии немыслимы те наказания, которые обычны в германской и, конечно, из Томми Аткинса невозможно сделать не рассуждающую машину... Не надо забывать, что в Англии, по закону, приказ офицера не снимает ответственности с солдата, и что солдат за свои поступки отвечает перед судом присяжных. Не надо забывать также, что англичанин, прежде всего, дорожит своей личной свободой и что на уважении личности построена «Старая Англия», – «демократия аристократов», как определил её Киплинг»⁴⁸.

Англичан В. Ропшин прославляет за верность свободе, немцев же и французов сравнивает с «винтиками машины», однако, в плане уставных отношений, французы всё же ближе к англичанам. «Офицер не только начальник, но и друг, но и равный, но и товарищ. Друг – потому что заботится о солдатах, равный – потому, что и сам такой же солдат, товарищ – потому, что делит все труды и невзгоды. У французов есть одна врожденная очаровательная черта – уважение к личности, к человеку, будь то

⁴⁷Там же. С. 113 – 114.

⁴⁸Там же. С. 331.

генералиссимус или запасной солдат, священник или рабочий, банкир или нищий. Офицер не может ударить солдата не потому, что по французским законам это строго воспрещено, а потому, что у него не поднимется на это рука»⁴⁹. Что касается немцев, то Савинков – Ропшин отмечает: «Меня уверяли, что немецкие офицеры бьют по лицу своих, утративших человеческий образ, солдат, и что солдаты молчаливо переносят побои. Немец так же храбр, так же вынослив, так же самоотвержен в бою, как и француз, но он не свободен, он не уважает достоинство человека... Для немца личность не свята, свято общество, толпа, государство, свят его общественный муравейник – могущественная Германия»⁵⁰.

Схожие с немецкими черты Борис Викторович видит и в русской армии. «Русский солдат, идя на войну, заранее отдаёт свою жизнь, заранее примиряется с неизбежным. И рискуя собой из-за мелочи, из-за нескольких папирос, он, на самом деле, рискует не из-за них, а во имя того, что «война, а если война – значит, пострадать надо». Его доблесть, которой он, конечно, не осознаёт, доведена до высшего презрения к смерти... Это даже уже не доблесть, а святость. Это уже русское, крестьянское, христианское... Так чувствует русский. Но как поймешь, что чувствует европеец – немец или француз, когда он не только пренебрегает смертью, но и смеётся над ней?»⁵¹.

Находясь во время начала войны во Франции, приняв активное участие в военных действиях на позиции военного корреспондента, вдохновившись примером европейских социалистов и проникнувшись отношением к борьбе с врагом французских и английских солдат, искренне веруя в особую роль России и русского народа, Борис Викторович Савинков принял строго патриотическую, оборонческую сторону в вопросе о войне, что обусловит его политический выбор и его роль в грядущих событиях по возвращении на обновленную Родину весной 1917 года.

---

⁴⁹Там же. С. 122.

⁵⁰Там же С. 122 – 13.

⁵¹Савинков Б. Во Франции во время войны. М., 2008. С. 305.

1.2. Возвращение в Россию весной 1917 г.

Февраль 1917 года открыл возможность возвращения на Родину политических эмигрантов, была объявлена амнистия по политическим и делам, в связи с этим огромный поток мигрантов хлынул в Петроград через Торнео (негласное предпочтение отдавалось оборонцам, в числе которых был Савинков). Б.В. Савинков вернулся в Россию вскоре после Февральской революции вместе с группой политических эмигрантов, в числе которых был и лидер партии эсеров В.М. Чернов. Окружным путем через Францию, Шотландию и Швецию они добрались до Петрограда, где были торжественно встречены на Финляндском вокзале под звуки «Марсельезы» и «Интернационала» приветствиями Советов и Временного правительства⁵².

Борис Викторович честно признавал, что не имел конкретных и всеобъемлющих сведений о происходящем в России. Наиболее важным было то, что Россия стала молодой республикой, демократическим, свободным государством, в котором он, человек с определенной репутацией и признанным организаторским талантом, надеялся и жаждал найти себе применение. Однако, Борис Викторович лишь на месте понял, насколько неоднозначно отношение населения к войне, какими противоречиями опутана мысль различных слоев населения, какими темпами нарастает ее неприятие, психологическое отторжение, в каком катастрофическом состоянии находятся армия и экономическая жизнь государства. Сам Савинков однозначно и непримиримо занял строгую позицию на крайне правом фланге эсеровской партии, считая себя абсолютным патриотом-оборонцем. Данная позиция Савинкова не удивительна в связи с уже известными нам эмигрантскими страницами его биографии (война застала его во Франции, он перенял идеологию европейских социалистов в военном вопросе, считал борьбу с врагом необходимостью и обязанностью союзника и патриота): «Я жил во Франции во время войны, я весь был проникнут не

---

⁵²Смолин А.В. 1917 год: Торнео – дорога в Россию. Новейшая история России / Modern history of Russia. 2015. №2.

русской, а французской психологией войны. Для меня прекращение войны было невозможно, непереносима была самая мысль об этом»⁵³.

Обладая подобной позицией относительно войны, известностью, организаторским талантом и непосредственным отношением к партии эсеров, переживавшей пик популярности, Савинков имел все основания включиться в публичную политическую жизнь. Партия эсеров насчитывала порядка миллиона человек и могла бы стать для истосковавшегося по активной деятельности и борьбе Савинкова выгодным политическим плацдармом. Однако Борис Викторович и во времена террористической деятельности, и во времена жизни за рубежом отличался прохладным отношением к политике в традиционном понимании этого слова. Теоретические концепции, стратегии, публичные заявления в прессе и на трибуне мало интересовали его. Мир Савинкова – это мир хитроумных комбинаций, конспирации и интриг. Он прекрасно чувствовал себя в роли жесткого руководителя, который мог и умел подчинять своей воле и принимать решения, обладал даром убеждения и гипнотического влияния на «соратников по борьбе». Однозначно, он был человеком действия, а не слова, тем более, что Савинков не был хорошим оратором и не любил выступать перед широкой аудиторией: «Голоса ему не надо было — такие не могут петь — каменные не поют песен. Его речь: никакой влаги, никакой напоенности, и никакого зноя, и не металл, а именно камень. А по произношению слов какая-то польско-русская смесь, и не скажешь наверняка: русский ли, воспитавшийся в Варшаве, или поляк, говорящий по-русски. И зачем ему голос? Для комнатных разговоров достаточно и самых скромных средств»⁵⁴.

Позиция человека дела объясняет неприятие атмосферы революционного Петрограда, наполненного политиками, заигрывавшими с толпой, пытавшимися получить большую долю популярности: «Петроград — поистине «город туманов». Туманов не только Невских, но и словесных. На десять человек, которые делают, в Петрограде есть сотни и тысячи, которые

⁵³ Дело Бориса Савинкова. М., 1924. С. 82.

⁵⁴ Ремизов А. М. Собрание сочинений. М., 2000. Т. 8. С. 505.

говорят. Говорят всегда: утром, вечером, даже в 3 часа ночи, и от этих нескончаемых разговоров болит и кружится голова, расшатывается, теряется вера. Как нетрудно увлечь за собой толпу. Как нетрудно иметь митинговый успех. И, уезжая из Петрограда, чувствуешь и тревогу, и стыд, и скорбь, и просто недоумение...»⁵⁵ Зинаида Гиппиус, находившаяся в это время в Кисловодске (она разминулась с Савинковым, покинув Петроград как раз в день его прибытия — 8 апреля) постоянно задавалась вопросом, какую роль сыграет Борис Викторович в уже свершившейся революции: «Сильный, сжатый, властный индивидуалист», «личник», грешит «аристократизмом», он до сих пор был только «разрушителем»⁵⁶, - характеристики, оформившиеся в ее сознании за десять лет знакомства. Деятельность Бориса Викторовича окажется связанной с войной и фронтом. Именно в армии видит свое будущее Савинков, именно там слово имеет вес, именно на фронте он хочет спасти Россию: «В армии легче дышать. В армии, где люди жертвуют жизнью, умирают и убивают, слово имеет другой, тяжелый, я бы сказал, свинцовый вес. Здесь сказать — сделать... Кто говорит здесь «вперед», тот сам обязан идти вперед»⁵⁷.

Не доверяя царским генералам, продолжавшим командовать войсками и после Февральской революции, Временное правительство ввело должность правительственных комиссаров, поручив им ведение политической работы. Комиссарами становились в основном выходцы из партий эсеров, меньшевиков, кадетов. Как правило, это были люди мужественные, с твердым характером, поскольку их деятельность была связана с немалой опасностью. Немаловажным являлся масштаб личности и преданность Временному правительству. Борис Савинков с его репутацией борца с царским режимом, дополненной настроением обороничества, являлся

---

⁵⁵Степун Федор (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллериста. Ропшин В. Из действующей армии (лето 1917 г.). М., 1918. С. 191.

⁵⁶Там же. С. 239.

⁵⁷Там же. С. 195.

прекрасной кандидатурой на данную должность. Масштаб его личности и доверие к нему обусловили и место назначения – Юго-Западный фронт, выбор которого не был случайным. Ещё с весны задуманное наступление именно этой части фронта, имело целью, в случае успеха, вывести Австро-Венгрию из войны, лишив Германию главного союзника, попутно поднимая боевой и патриотический дух на фронте и в тылу, в надежде остановить революционную анархию⁵⁸. Таким образом, в мае 1917 г. Савинков получил должность комиссара Временного правительства в 7-й армии Юго-Западного фронта по инициативе нового военного и морского министра Временного правительства эсера А.Ф. Керенского.

Стоит отметить, что Борис Савинков обладал ещё одной немаловажной особенностью, которая позволила ему налаживать отношения в военных кругах, несмотря на то, что ещё совсем недавно монархическое офицерство и бывший лидер Боевой организации эсеров были непримиримыми врагами: «... не только внешне входил в офицерскую среду, но и усвоился ей; все в нем: военная подтянутость внешнего облика, отчетливость жеста и походки, немногословная дельность распоряжений, пристрастие к шелковому белью и английскому мылу, главным же образом — привитой и развитой в подпольной работе дар распоряжения людьми — делало его стилистически настолько близким офицерству, что оно быстро теряло ощущение органической неприязни к нему»⁵⁹.

Первая публичная речь на армейском съезде Фронта в Каменец-Подольске, не отличавшаяся эмоциональностью и яркостью в отличие от харизматичных выступлений Керенского, все же дала возможность понять позицию комиссара: «На трибуну взошел изящный человек среднего роста, одетый в хорошо сшитый серо-зеленый френч с не принятым в русской армии высоким стояче-отложенным воротником, — вспоминает Ф. А. Степун. — В суховатом, неподвижном лице, скорее западноевропейского, чем

---

⁵⁸ Иоффе Г. Революционер. Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. №21. – 2009.

⁵⁹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 366.

типично русского склада, сумрачно, не светясь, горели небольшие, печальные и жестокие глаза. Левую щеку от носа к углу жадного и горького рта прорезала глубокая складка. <...> Произнесенная им на съезде небольшая речь была формальна, суха, малоинтересна и, несмотря на громкую популярность главы боевой организации, не произвела большого впечатления. Лишь меня она сразу же приковала к себе: как-то почувствовалось, что ее полунарочная бледность объясняется величайшим презрением Савинкова к слушателям и его убеждением, что время слов прошло и наступило время быстрых решений и твердых действий»⁶⁰.

Необходимость проведения решительных действий была для Савинкова в приоритете: «Прибыв на фронт и ознакомившись с работой войсковых организаций и с тем, что делалось в полках, я пришел к убеждению, что русская армия погибает и что для спасения ее, а следовательно, и для спасения России, нужны меры решительные и твердые, проводимые, однако, с осторожной последовательностью, дабы избежать вероятных в противном случае потрясений <...> так как я не получил из Петрограда никакой инструкции, определяющей мои права и обязанности, как комиссара, я, на свой риск и страх, приступил в 7-й армии к систематической, а не только словесной борьбе с большевизмом»⁶¹. За работу он взялся со свойственным ему энтузиазмом, что отразил в письме к матери: «Я работаю 16 часов в сутки и не успеваю сделать всего. 10 последних дней возился с крупными волнениями в одном из корпусов, не прибегая к вооруженной силе, добился успокоения. Главнокомандующий меня благодарит»⁶².

Деятельность Савинкова приобрела такой размах, что некоторые генералы увидели в ней превышение комиссарских прав: он не должен был касаться военных вопросов. Последовали протесты верховного главнокомандующего русской армией А.А. Брусилова и главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Гутора. Однако Керенский не спешил

---

⁶⁰Там же. С. 365.

⁶¹Савинков Б. К делу Корнилова. Париж, 1919. – 36 с.

⁶²Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001. С. 561

прислушиваться к ним, вероятно рассчитывая удерживать «баланс» между бывшими царскими генералами и «революционными комиссарами» при них. Еще важнее было не обострить ситуацию, в которой находилось командование Юго-Западного фронта в связи с предстоящей ему боевой операцией⁶³.

Поначалу, несмотря на начавшееся разложение армии, Борис Викторович все же верит в возможность исправления ситуации мирным путём: «Расцветая, весна укрепляет во мне надежду, не надежду, а веру: русская народная армия обрела свое право и, обретя право, поймем свои обязанности перед родиной, перед свободой и перед демократией русской и европейской»⁶⁴. Тем не менее, Савинков не может не отметить признаки глубокой деморализации и в ситуациях, когда военные части еще сохраняют относительную боеспособность не происходит и массового бегства солдатской толпы с передовой. Например, в конце июня после удачного наступления частей 8-й армии в Карпатах были взяты Галич и Калуш. Однако победы сопровождалась разгульным и разнузданным поведением русских войск. «Они разбивают бочки с вином. Вчера они доблестно штурмовали Калуш, сегодня они пьянствуют, как рабы. Их немного. Но на улицах пахнет спиртом, но на каменной мостовой валяются осколки бутылок, и тут же, возле осколков, лежат пьяные мертвецки солдаты»⁶⁵. В ужас повергает Савинкова и поведение так называемой «туземной дивизии» после удачной военной операции в Калуше. Его поражает и возмущает та легкость, с которой отважные кавалеристы, еще вчера рьяно бросавшиеся в атаку на врага, теперь хозяйничают в городе, обирая местное население: «Я видел следы такого грабежа в Шампани. Я возмущался. Я говорил, что немцы не солдаты, а дикари. Как положить предел обычному, дикому, не оправданному

---

⁶³ Иоффе Г. Революционер. Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. №21. – 2009.

⁶⁴ Степун Федор (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллериста. Ропшин В. Из действующей армии (лето 1917 г.). С. 193.

⁶⁵ Там же. С. 231—232.

ничем грабежу?»⁶⁶ Откровенное повествование об упадке дисциплины и творящихся в армии беспорядках продолжают чередоваться у Савинкова с иллюзиями избавления от пропагандистской напасти: «Каюсь снова: против очевидности, против фактов, я всегда, даже в самые трагические минуты, сохраняю молитвенную веру. Веру в русский свободный народ»⁶⁷. Однако, несколько забегая вперед, согласно воспоминаниям матери Савинкова, именно после событий в Калуще, где в числе прочего происходили погромы и изнасилования (эти факты остались за рамками его фронтовых корреспонденций), Борис Викторович окончательно склонился к необходимости введения смертной казни⁶⁸.

В армии Савинков чувствует себя на своем месте, в письме к Гиппиус он говорит о том, насколько важна для него деятельность в армии, насколько далека для него политика в столице и тылу: «Не думаю ни о чем. Живу, т<о>е<сть> работаю как никогда в жизни. Что будет — не хочу знать. Люблю Россию и потому делаю. Люблю революцию и потому делаю. По духу стал солдатом и ничего больше. Все, что не война, — далекое, едва ли не чужое. Тыл возмущает, П<етро>г<рад> вызывает <...> тошноту. Не хочу думать ни о тыле, ни о П<етро>г<раде>. <...> Когда первый раз лежал уткнувшись носом в траву и в двух шагах разрывалась шрапнель — был счастлив и удивлен. Не было страшно. Страшно было потом, в другой раз, когда рвались тяжелые снаряды, хотя опасности не было, п<отому> ч<то> далеко. <...> Раненых не боюсь, убитых тоже. Хотел бы молиться, да не умею»⁶⁹.

Что же касается отношения Керенского и Савинкова, то стоит сказать, что они были необходимы друг другу. Среди всех «вождей Февраля» именно Керенский импонировал Савинкову больше других. В письмах к чете Гиппиус-Мережковских он неоднократно заявлял: «Я всей душой с

---

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 220.

⁶⁸ Архипов Борис Савинков: террорист и литератор // Звезда. 2009. №10.

⁶⁹ Там же.

Керенским!»⁷⁰. Несмотря на нелюбовь Савинкова к политиканству и демагогии, он не мог не отметить особого таланта министра. Выступления Керенского были не только колоритны, они содержали колоссальную энергетику, оказываясь подстроенными психологически для конкретной аудитории, на которую слова Керенского были направлены. Стиль его поведения, манеры, внешний облик, своеобразная образность и метафоричность речей однозначно привлекали толпу. Несмотря на крайнюю эмоциональность, граничащую с истерией, а также не остававшееся незаметным характерное самолюбование Керенского, он в считанные дни стал народным кумиром, «любимым сыном русской революции». Савинков видел, что демагогия Керенского эффективна, что он способен захватывать воображение толпы и подчинять ее своей власти — хотя бы на какое-то время, до очередного всплеска стихии, до возникновения новых соблазнительных идей «социального чуда»⁷¹. Отчасти объединяющим фактором являлась принадлежность обоих к партии эсеров и масонские связи (Савинков, вероятно, еще до войны вступил во Францию в ложу «Астрея», а в 1917 г. — в ложу «Великий Восток народов России», возглавляемую Керенским)⁷². Надежды Савинкова на улучшение положения в армии тоже напрямую были связаны с министром Керенским, его способностью навести порядок в сочетании с анализом солдатской психологии: Борис Викторович предполагает, что армия сама «истосковалась по власти» и солдаты «томятся в ожидании сильной руки. Народной руки, конечно. Руки министра социалиста. Руки исполнительного, избранного народом, всероссийского комитета. Только такая рука, только такая народная, твердая власть сможет разрешить все вопросы, сможет утолить все печали, сможет накормить, одеть,

---

⁷⁰Там же.

⁷¹Архипов Борис Савинков: террорист и литератор // Звезда. 2009. №10.

⁷²См.: Старцев В. И. Тайны русских масонов. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 2001. С. 132—133, 143.

обуть, дать в руки винтовку, дать пополнение»⁷³. Популярность Керенского в среде офицерства была достаточно велика, особенно это касается июня 1917, о чем говорят слова другого генерала – Деникина: «Был несомненно такой краткий, но довольно яркий период в жизни Керенского — военного министра — я его отношу приблизительно к июню — когда не только широкие круги населения, но и русское офицерство, подчинилось обаянию его экзальтированной фразы, его истерического пафоса. Русское офицерство, преданное на заклятие, тогда все забыло, все простило и мучительно ждало от него спасения армии. И уже не фразой звучало их обещание — умереть в первых рядах. И больно становилось много раз, во время объездов Керенского, когда у этих обреченных разгорались глаза, а в сердце светлая надежда — скоро, очень скоро безжалостно и грубо растоптанная»⁷⁴.

Однако вера в Керенского со временем начинает угасать, министру не хватает жесткости и решительности, Савинков, с присущим ему чутьем, начинает понимать, что в политическую игру необходимо ввести еще одну величину, нужна сильная рука, рука человека действия. При этом для и себя Савинков в этой игре оставлял немаловажную роль: «И я предчувствую мрак, и кровь, и ужас, и унижение, и мне жаль, что там у выбеленной халупы я сохранил свою жизнь, что осколок впился в оконную раму, и что неприятель не меток, — пишет Савинков в начале июля в очередном материале с фронта. — И мне жаль, что я должен, обязан вернуться домой, снова думать, и снова делать, и снова брать ответственность на себя. Кто поможет? Кто спасет армию и Россию?»⁷⁵.

---

⁷³Степун Федор (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллериста. Ропшин В. Из действующей армии (лето 1917 г.). С. 211.

⁷⁴Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917 г. Репринтное воспроизведение / А.И. Деникин. М.: Наука, 1991. С.305.

⁷⁵Степун Федор (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллериста. Ропшин В. Из действующей армии (лето 1917 г.). С. 239.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.В. САВИНКОВА ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1917 Г.

2.1. Роль Б.В. Савинкова в выступлении генерала Корнилова.

Во время своей работы в 7-й армии Борис Викторович пришел к убеждению, что «пока Петроградский «Совет» не перестанет вмешиваться в руководство политикой государственной, и пока не прекратится агитация на фронте, армия будет продолжать разлагаться <...> пока деятельность Военного министерства и Ставки будет зависеть от указаний т.н. «полномочных органов революционной демократии», невозможно приступить к оздоровлению армии»⁷⁶. Отдавая себе отчет в том, что в данный момент времени упразднение Совета и войсковых организаций невозможно, Борис Викторович ставит перед собой другую задачу: «... я поставил себе ближайшей задачей содействие назначению в Ставку и в Военное Министерство лиц, по своим качествам, способных оказать сопротивление посторонним воздействиям и могущих начать трудное дело возрождения боевой способности армии»⁷⁷.

Лицом, которое стремился поставить на важную позицию и которому надеялся поручить важную роль в грядущих событиях Савинков, стал Л.Г. Корнилов. Первая встреча Савинкова с генералом Л. Г. Корниловым, командовавшим тогда 8-й армией Юго-Западного фронта, состоялась в начале июня 1917 г. Инициатива принадлежала Савинкову — комиссару 7-й армии. Бориса Викторовича особенно интересовал генерал, на многих производивший впечатление честного, прямого, чуждого политике, но при этом готового к решительным поступкам человека. Будучи комиссаром 7-й армии, Савинков сблизился с комиссаром соседней, 8-й, армии М. Филоненко, командующим которой был Корнилов. Таким образом, через Филоненко началось сближение Корнилова с Савинковым.

---

⁷⁶Савинков Б. К делу Корнилова. Париж, 1919. – 36 с.

⁷⁷Там же.

Лавр Георгиевич был широко известен и популярен в русской армии. Известность пришла к Корнилову в 1916 г., после его дерзкого побега из австрийского плена (весной 1915 года, будучи командующим 48-й пехотной дивизией и выводя ее окружения, был тяжело ранен и попал в плен). Однако симпатию подчиненных вызывал не только его подвиг на театре военных действий, но и происхождение – Лавр Георгиевич происходил из казачьих низов, его отец был хорунжим. Корнилов с отличием окончил Академию Генштаба, служил в штабе Туркестанского округа, публиковал статьи о Персии и Индии, после русско-японской войны в течение пяти лет являлся военным атташе России в Китае. В дни Февральского переворота его назначили командующим Петроградским округом (и в этом качестве, по распоряжению Временного правительства, он арестовал в Царском Селе бывшую императрицу Александру Федоровну с детьми). Во время апрельского кризиса «революционный командующий» пытался вывести на Дворцовую площадь две батареи Михайловского артиллерийского училища для защиты Временного правительства от агрессивных выступлений солдат. Столкнувшись с прямым противодействием Исполкома Петроградского Совета, претендующего на право всецело «располагать» войсками гарнизона, Корнилов подает в отставку⁷⁸. В случившемся он видел свидетельство бессилия правительства и его зависимости от Совета — совершенно незаконной структуры, и в этом отношении его позиция совпадала с позицией Савинкова. Удаленный из Петрограда на Юго-Западный фронт, Корнилов взялся за восстановление воинской дисциплины, видя в ней основу боеспособности армии, и, как следствие, спасение России. Появились у него и особые верные генералу части. Преимущественно из туркмен был сформирован конный Текинский полк, в котором сохранялось беспрекословное подчинение. Лавр Георгиевич, неплохо изъяснявшийся по-туркменски и по-персидски, пользовался у текинцев огромным авторитетом.

Встречей с Корниловым Савинков остался весьма доволен. Генерал разделял его убежденность в том, что необходимы самые решительные и твердые меры по спасению армии. В свою очередь Корнилову импонировало, что Савинков, будучи правительственным комиссаром, откровенно признавал: у военного министра Керенского недостаточно воли и реальных

---

⁷⁸См. Архипов И. Борис Савинков: террорист и литератор // Звезда, 2008, №10.

возможностей для жестких действий по наведению порядка в армии и в тылу⁷⁹. Но и в ходе первой встречи, и в дальнейшем Савинков подчеркивал, что для него недопустимо выступление против основных завоеваний революции, против Временного правительства, наконец, против лично Керенского. «Возможно, что когда-нибудь наступит день, господин генерал, когда у вас явится желание расстрелять меня, как революционера, и я не сомневаюсь, что вы постараетесь привести это желание в исполнение, но я должен вас предупредить, что в тот же день я пожелаю расстрелять вас и, конечно, приложу все усилия, чтобы исполнить это». На что Лавр Георгиевич отвечал: «С Романовыми у меня соглашения быть не может. Для себя я ничего не хочу. К единоличной диктатуре не стремлюсь. Я хочу одного — чтобы Россия была спасена, то есть чтобы армия возродилась»⁸⁰. Таким образом фактически оформилось соглашение бывшего царского генерала и бывшего революционного террориста, объединенных делом «спасения России».

Касаемо дела спасения России, у Савинкова летом 1917 года сложилось особое мнение на сей счет. Ему импонировал как Керенский, так и Корнилов, однако каждому из них не хватало положительных черт другого, работая вместе, они бы прекрасно дополнили друг друга. Борис Викторович Савинков, в прошлом легендарный террорист, мастер интриг и сложных комбинаций был убежден, что именно ему суждено сыграть решающую роль — объединив своей волей двух этих ярких, но в одиночку бессильных деятелей, переломить ход истории и спасти Россию.

После знакомства Савинков внимательно наблюдал за Корниловым и убеждался: это именно тот человек, который может повести за собой войска и обеспечить установление в России «твердой власти». Наступление 18 июня в целом оказалось неудачным, но 8-я армия добилась значительных успехов, взяла Галич и Калуц, захватила более десяти тысяч пленных — это свидетельствовало о способностях Корнилова как командующего, обеспечивая рост его популярности⁸¹.

---

⁷⁹Архипов И. Борис Савинков: террорист и литератор // Звезда, 2008, №10.

⁸⁰Жуков Д. Б. Савинков и В. Ропшин. Террорист и писатель. // Савинков Б. В. То, чего не было. М., 1992.

⁸¹Жуков Д. Б. Савинков и В. Ропшин. Террорист и писатель. // Савинков Б. В. То, чего не было. М., 1992.

7 июля Керенский назначил Корнилова командующим Юго-Западным фронтом — на этом настаивал Савинков, несколькими днями ранее ставший комиссаром того же фронта: «... разумеется, военный успех генерала Корнилова служил для меня только предлогом, главным же основанием моего ходатайства было мое убеждение, что именно генерал Корнилов, и, быть может, единственно он, был способен в этот период времени возродить боевую способность армии»⁸². Борис Викторович поддерживает требования Корнилова о введении смертной казни на фронте, поскольку, как писал командующий в телеграмме Временному правительству, «армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения <...> бежит». Сам Борис Викторович утверждает, что именно он и комиссар 8-й армии Филоненко составил телеграмму, отосланную от имени генерала Корнилова Временному правительству о необходимости введения смертной казни на фронте. Дело было не только в том, что Савинков разделял подобный метод восстановления дисциплины, он вел хитроумную игру по продвижению генерала и сближению его с Керенским. В основу телеграммы действительно был положен текст, составленный ординарцем генерала Корнилова Завойкой, но необходимость редактирования и, соответственно, вмешательства Савинкова вызвала резолютивная часть телеграммы, носившей «ультимативный характер со скрытой угрозой в случае неисполнения требования, предъявленного Временному правительству, объявить на Юго-Западном фронте военную диктатуру»⁸³. Поскольку, по мнению Савинкова, попытка объявления военной диктатуры могла привести лишь к окончательному разложению армии и к гибели офицерского состава, и «так как такие стремления угрожали немедленным крушением того плана, первым шагом на пути осуществления которого было назначение генерала Корнилова главнокомандующим юго-западным фронтом»⁸⁴, то Борис Викторович не ограничился исправлением текста телеграммы. Он ходатайствовал перед генералом об откомандировании Завойки за пределы Юго-Западного фронта, и его просьба была удовлетворена. Тогда же, по словам Бориса Викторовича, у него с генералом состоялся разговор о

---

⁸² Савинков Б. К делу Корнилова. Париж, 1919. — 36 с.

⁸³ Савинков Б. К делу Корнилова. Париж, 1919. — 36 с.

⁸⁴ Там же.

необходимости согласования всех необходимых для восстановления армии мер с Керенским и о невозможности поддержки генерала в случае вооруженного выступления. Получив согласие генерала с предложенными пожеланиями и поправками, Савинков был уверен, что ему удастся сблизить премьера и генерала для укрепления армии и удержания власти.

Керенский одобряет меры, принятые Корниловым, а 12 июля правительство вводит смертную казнь и учреждает военно-полевые суды на фронте. Более того, уже в ночь с 18 на 19 июля Керенский назначает Корнилова Верховным главнокомандующим вместо А. А. Брусилова.

Вопрос о назначении генерала Корнилова главнокомандующим затрагивался в вагоне поезда Керенского, когда он в сопровождении Савинкова, министра иностранных дел М. И. Терещенко и начальника военного кабинета полковника В. Л. Барановского возвращался из Ставки. По дороге обсуждался вопрос о составе второго коалиционного правительства (последствия июльского кризиса и распада первого коалиционного правительства) и о путях обеспечения сильной власти, что было невозможно без прочной опоры на влиятельного, жесткого, но при этом популярного Верховного главнокомандующего. Савинков, воспользовавшись моментом, активно продвигал кандидатуру Корнилова в противовес нынешнему главнокомандующему А.А. Брусилову. Преимуществами Лавра Георгиевича он называл способность взять на себя осуществление решительных мер и обеспечение порядка, дисциплины в армии, ее боеспособности для дальнейшего ведения боевых действий в отсутствие нацеленности на реставрацию монархии. По мнению Савинкова, Корнилов смог бы удовлетворить притязания как правых, «партию порядка», так и левых — государственно-настроенную часть «революционной демократии», обеспечив опору власти и способствуя стабилизации положения в обществе и военным успехам на фронте. Ставка на Корнилова должна была быть оправдана при условии внимательного контроля со стороны Временного правительства, а за роль контролирующей инстанции готов был взяться сам Савинков. В итоге тонкой политической игры Бориса Викторовича Корнилов назначается Верховным главнокомандующим, не будучи даже лично представленным Керенскому, Савинков получает должность управляющего военным министерством, Керенский сохранял за собой портфель военного министра вместе с исполнением функций премьера, а познакомивший Савинкова с

генералом комиссар М. М. Филоненко занял должность комиссара при «главковерхе». В связи с удавшимся назначением главнокомандующего Савинков пишет: «Отношение генерала Корнилова к вопросу о смертной казни... его ясное понимание причин Тарнопольского разгрома, его хладнокровие в самые трудные и тяжкие дни, его твердость в борьбе с «большевизмом», наконец, его примерное гражданское мужество, поселили во мне чувство глубокого к нему уважения и укрепили уверенность, что именно генерал Корнилов призван реорганизовать нашу армию... Я был счастлив этим назначением. Дело возрождения русской армии вручалось человеку, непреклонная воля которого и прямота действий служила залогом успеха...»⁸⁵

Таким образом, середине июля сложился властно-политический триумвират: Керенский — Корнилов — Савинков. Борис Викторович понимал, что и Керенский и Корнилов претендуют на лидирующее положение, каждый имеет собственное понимание стоящих перед ними задач и путей их осуществления, оба до конца не доверяют друг другу. Данной непрочной политической конструкции было необходимо связующее звено, нечто цементирующее связи двух лидеров. Убеждение в необходимости посредничества между ними укрепляло Савинкова в мысли, что он должен выполнить судьбоносную для России миссию.

Наиболее сложная позиция была, пожалуй, у Керенского. С одной стороны, он разделял позицию Корнилова и Савинкова, поскольку Советы и комитеты оказывали мощное давление на Временное правительство и на него лично, и это мешало ему упрочить власть Временного правительства. Но с другой стороны, Советы являлись той силой, которая блокировала правых, видевших во Временном правительстве и в нем самом, Керенском, «плод революции» и жаждавших реванша, что объясняет двойственную политику и колебания Керенского. Керенский подозревал, что в своей и боевом кураже Корнилов сметет Временное правительство, уничтожит российскую демократию и установит свою диктатуру. Александр Федорович был согласен на ликвидацию большевиков, но кто мог гарантировать, что генерал остановится на этом и не уничтожит достижения Февральской революции и установленную ей демократическую республику. Для Корнилова же Керенский был всего лишь слабый премьер-министр, влюбленный в ценности западной демократии настолько, что генерал боялся, как бы эта любовь не

---

⁸⁵ Савинков Б. К делу Корнилова. Париж, 1919. – 36 с.

привела Керенского к капитуляции перед левыми партиями и не сделала бы Россию легкой добычей Германии. На первом плане для Корнилова стояли не революция и республика, а Россия⁸⁶.

Что же касается позиции Савинкова, то примером могут служить письма к Зинаиде Гиппиус, в которых отражается весь спектр мысли Савинкова по поводу сложившейся политической ситуации, своей роли в ней и поддержки сторон: «Корнилов — честный и прямой солдат. Он, главным образом, хочет спасти Россию. Если для этого пришлось бы заплатить свободой, он заплатил бы не задумываясь... Да и заплатит, если будет действовать один... Он любит свободу, я это знаю совершенно твердо. Но Россия для него — первое, свобода — второе. Как для Керенского (поймите, это факт, и естественный) свобода, революция — первое, Россия — второе. Для меня же (м<ожет> б<ыть,> я ошибаюсь), для меня эти оба сливаются в одно. Нет первого и второго места. Неразделимы. Вот потому-то я хочу непременно соединить сейчас Керенского и Корнилова. Вы спрашиваете, останусь ли я действовать с Корниловым или с Керенским, если их пути разделятся... Я, конечно, не останусь с Корниловым. Я в него, без Керенского, не верю. Я это в лицо говорил Корнилову... Керенского же я признаю сейчас как главу возможного русского правительства необходимым: я служу Керенскому, а не Корнилову; но я не верю, что и Керенский один спасет Россию и свободу; ничего он не спасет. И я не представляю себе, как я буду служить Керенскому, если он сам захочет оставаться один и вести далее ту колеблющуюся политику, которую ведет сейчас»⁸⁷.

Мысль выбора стороны, к слову, была как никогда актуальна, поскольку в воздухе витала идея установления диктатуры. Деникин так вспоминает о том времени: «Народные массы не разбирались вовсе в чрезвычайно сложной обстановке происходящих событий, не отделяли причин непредотвратимых, космических, неизбежно сопровождавших пришествие революции, от доброй или злой воли тех или других органов власти, организаций и лиц. Они ощущали ясно и напряженно невыносимость создавшегося положения и искали выхода <...> Действительно, в обстановке

---

⁸⁶ Иоффе Г. Революционер. Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. №21. – 2009

⁸⁷ Гиппиус З. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914—1918. Белград, 1929. С. 151—152.

глубокого разочарования народных масс, всеобщего развала и надвигавшейся анархии, в силу неизбежного исторического и психологического процесса, жизнь должна была создать попытки диктатуры; и русская жизнь действительно создала их — как мучительное искание сильной, национальной, демократической власти, но не реакции»⁸⁸.

Однако Савинков не желал допустить установление диктатуры ни Керенского, ни Корнилова. По поводу причин подобного поведения мнения современников Савинкова расходятся. Так З. Гиппиус, очень активно общавшаяся с Савинковым в середине августа 1917 года, писала, что, к своему удивлению, не видит, чтобы им «двигало сейчас его громадное честолюбие»: «главный двигатель его во всем этом деле — подлинная, умная любовь к России и к ее свободе»⁸⁹.

Многие другие современники, пытаясь понять психологию Савинкова и мотивы его поступков, ставили на первое место политические амбиции. Возможно, здесь сказывалась репутация бывшего террориста, хотя и сами по себе такие оценки показательны для политико-психологической атмосферы лета 1917-го.

Ф. А. Степун, заведовавший политуправлением военного министерства, отмечал: «Одинокий эгоцентрик, политик громадной, но не гибкой воли, привыкший в качестве главы террористической организации брать всю ответственность на себя, прирожденный заговорщик и диктатор, склонный к преувеличению своей власти над людьми, Савинков не столько стремился к внутреннему сближению Корнилова, которого он любил, с Керенским, которого он презирал, сколько к их использованию в задуманной им политической игре, дабы не сказать интриге»⁹⁰.

Соратник Савинкова по партии эсеров В. Чернов, разочаровавшийся в нем, писал: «Обладавший ослепительными талантами и еще более ослепительными недостатками, дерзкий, самоуверенный, беспокойный, молчаливый, но иногда склонный к высокопарному красноречию и трагической экзальтации, он переоценивал свои силы и верил, что на горизонте революции его звезда будет сиять ярче всех остальных <...>

---

⁸⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М., 1991.

⁸⁹ Гиппиус З. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914—1918. Белград, 1929.

⁹⁰ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 414—415.

Савинков понял внутреннюю слабость этого «сверхчеловека» (Керенского – прим. автора) и предоставил себя в его распоряжение, рассчитывая овладеть его волей и воспользоваться его популярностью <...> Ему был нужен генерал, не слишком искушенный в общественных делах, требующий политического руководства, но способный не моргнув глазом отдать приказ стрелять независимо от того, сколько людей перед ним стоит и что это за люди. Внезапно Савинков открыл Корнилова; более подходящий инструмент нельзя было себе представить»⁹¹.

Убежденным в первостепенности для Савинкова личных претензий на власть, был и генерал А. И. Деникин: «Сильный, жестокий, чуждый каких бы то ни было сдерживающих начал «условной морали»; презиравший и Временное правительство, и Керенского; в интересах целесообразности, по своему понимаемых, поддерживающий правительство, но готовый каждую минуту смести его — он видел в Корнилове лишь орудие борьбы для достижения сильной революционной власти, в которой ему должно было принадлежать первенствующее значение. <...> Савинков мог идти с Керенским против Корнилова и с Корниловым против Керенского, холодно взвешивая соотношение сил и степень соответствия их той цели, которую он преследовал. Он называл эту цель — спасением Родины; другие считали ее личным стремлением его к власти. Последнего мнения придерживались и Корнилов, и Керенский»⁹². При этом, как представлялось Деникину, «Керенский ненавидел Савинкова и боялся его», но рассчитывал, что сможет оказаться хитрее: «Лучше было иметь Савинкова своим строптивым подчиненным, чем явным врагом, отброшенным окончательно в тот лагерь, который укреплялся возле Ставки и начинал все больше и больше волновать Керенского»⁹³. Керенский всё еще был достаточно популярен, но уже ощущал, что растущий авторитет и влияние генерала Корнилова в сочетании со складывающимся возле Ставки «лагерем» могут затмить его фигуру на политической арене или даже вовсе сместить его с нее.

---

⁹¹Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920.

⁹²Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 449.

⁹³Там же.

Деникин, достаточно информированный о ситуации в верхушке военного командования, говорил о складывающемся хитром окружении «не искусленного в политике и плохо разбирающегося в людях» Корнилова, где присутствовали и так называемые «темные личности» (в пример можно привести его личного ординарца и автора знаменитой телеграммы В. С. Завойко), настроенные действовать в интересах консервативных и даже реакционных сил. В частности, на Корнилова возлагал надежду возникший в Ставке «Союз офицеров армии и флота», «Республиканский центр», созданный в Петрограде, объединяющее многих крупных промышленников и банкиров «Общество экономического возрождения России» во главе с А. И. Гучковым⁹⁴. По словам В. М. Чернова, «искать помощников Корнилову не пришлось. Его вызывающее поведение стало сигналом для всей России. Представители Союза офицеров во главе с Новосильцевым явились сами и выразили желание работать ради спасения армии. Прибыли делегаты от Казачьего совета и Союза георгиевских кавалеров. Республиканский центр пообещал Корнилову поддержку влиятельных кругов и передал в его распоряжение военные силы петроградских организаций. Финансовую поддержку движению оказывали крупнейшие русские капиталисты: Рябушинский, Морозовы, Третьяков, Путилов, Вышнеградский...»⁹⁵

Комбинация с Корниловым выстраивалась ради идеи твердой власти, и Савинков демонстрирует бурную энергию, добиваясь принятия практических мер. 3 августа Корнилов представил Временному правительству «Записку» — военно-политическую программу вывода России из кризиса. Керенский поручает Савинкову ее доработать, в том числе с учетом восприятия предлагаемых мер общественным мнением. И затем уже, на основе «Записки», должны быть подготовлены необходимые законопроекты. Среди ключевых мероприятий по оздоровлению армии — полное восстановление власти военачальников, сокращение полномочий комиссаров, ограничение прерогатив войсковых комитетов хозяйственными вопросами, запрет любых митингов. Все эти дисциплинарные меры планировалось распространить и на тыловые гарнизоны. Не должна была стать исключением и смертная казнь —

⁹⁴ Там же. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. М., 1991. С. 10—11, 22—23.

⁹⁵ Виктор Чернов Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905—1920.

говорилось о необходимости введения ее и в тылу. Что же касается установления порядка в целом по стране, то для борьбы с нарастающей хозяйственной разрухой и дезорганизацией предусматривались меры по милитаризации железных дорог, части заводов и шахт, что подразумевало запрет митингов и забастовок под угрозой отправки рабочих на фронт.

Керенский колебался, и Савинкову приходилось постоянно убеждать его в необходимости проявить жесткость, последовательность в проведении курса, символизируемого назначением Корнилова Верховным главнокомандующим. Несколько раз в знак протеста Савинков подавал заявления об отставке, но Керенский просил его продолжать работу. Недовольство Савинкова вызывало недостаточное, по его мнению, внимание к тем вопросам, которые являлись историческими, судьбоносными для России: «с 3-го по 8-е августа я три раза докладывал Керенскому о том, что в Военном министерстве готовится докладная записка, основным законопроектом которой является законопроект о смертной казни в тылу, но все три раза Керенский не придавал значения моим словам»⁹⁶. Савинков также сетует на недальновидность Керенского и его отношении к генералу Корнилову: «Вообще с первого же дня моего вступления в должность между мною и Керенским установилось явное разномыслие <...> Достаточно сказать, что почти ежедневно Керенский возвращался к вопросу о смещении генерала Корнилова, причем предполагалось, что верховным главнокомандующим будет назначен сам Керенский, и почти ежедневно мне приходилось доказывать, что генерал Корнилов – единственный человек в России, способный возродить боевую мощь армии»⁹⁷. Обсуждение отредактированной докладной записки было назначено на 10 августа, однако, колебания не оставляли и генерала Корнилова: «... Филоненко сообщил мне, что генерал Корнилов колеблется ехать в Петроград, ибо до его сведения дошло, что Керенский намеревается сместить его с должности верховного главнокомандующего», однако после уговоров Савинкова, решение о приезде было принято, а сам Савинков в последствии будет обвинен Керенским в самовольном вызове генерала в Петроград⁹⁸. 10 августа Корнилов под охраной

---

⁹⁶ Савинков Б. К делу Корнилова. Париж, 1919. – 36 с.

⁹⁷ См. Там же.

⁹⁸ См. Там же.

отряда текинцев, вооруженных пулеметами, прибывает в Петроград и является в Зимний дворец на заседание правительства, но Керенский вновь откладывает утверждение программы. Только 17 августа, после Государственного совещания в Москве, на котором была продемонстрирована мощная поддержка Корнилова как «национального вождя», способного возродить боевую мощь армии и остановить распространение анархии, Керенский одобряет «Записку», а Савинкову поручает готовить законопроекты. Одновременно Александр Федорович, выразил свое недовольство Савинкову обвиняя его в утечке информации о «Записке», что создало дополнительную популярность Корнилову (и действительно, в ряде буржуазных газет была развернута целенаправленная кампания в пользу Верховного главнокомандующего и его программы) и насторожило лидеров Советов. Помимо этого премьер пригрозил, что не допустит умаления собственной роли и осуществления какого-то «триумвирата», но пожелал сохранить Савинкова на своей стороне: «В день своего возвращения в Петроград, он вызвал меня к себе и, очень волнуясь, заявил, что на Государственном Совещании «контрреволюция» подняла голову, что в этом виновен я, ибо питаю своей деятельностью надежды «контрреволюционеров», что мой план известен ему, что я хочу, чтобы вместо одного его, Керенского, государственную политику направляло три человека – Керенский, Корнилов и я, и что он этого не допустит. Но вместе с тем, он заявил мне, что из соображений государственных он вынужден просить меня взять мою отставку обратно и согласиться со мной по вопросу о смертной казни в тылу»⁹⁹.

20 августа Керенский принял решение о согласии с другим важнейшим предложением Корнилова, то есть об объявлении военного положения в Петрограде и его окрестностях и прибытии надежного военного корпуса. Петроградский округ, таким образом, подчинялся напрямую Верховному главнокомандующему и входил в состав формирующейся Петроградской армии, а сам Керенский как военный министр оставлял в своем ведении город Петроград. С данной информацией Савинков отправился в Ставку в качестве посредника, чтобы окончательно оформить договоренности о взаимодействии Керенского и Корнилова и связать их воедино. 23—24 августа прошли встречи Савинкова с Корниловым наедине, а также в присутствии высших чинов Ставки. Была достигнута договоренность о принятии Временным

---

⁹⁹Савинков Б. К делу Корнилова. Париж, 1919. – 36 с.

правительством плана Корнилова, что было письменно зафиксировано в протоколе. По просьбе Керенского, Верховный главнокомандующий должен был перебросить к Петрограду 3-й конный корпус, который обеспечил бы введение военного положения. Объяснялась данная мера тем, что военная сила может понадобиться для подавления большевистского восстания, якобы ожидаемого 28—29 августа, и для установления порядка в случае вероятных волнений. Корнилов согласился с предложенными условиями и не стал возражать против требования Керенского, чтобы 3-м конным корпусом командовал не генерал А. М. Крымов, а кто-то другой (премьер ему не доверял, а Савинков считал Крымова неспособным на решительные действия), а также заменить «туземную дивизию» обычной кавалерийской¹⁰⁰. Сам Савинков объяснял данную просьбу так: «Я просил об этом, ибо предвидел, что конному корпусу придется ликвидировать в Петрограде большевиков, и не желал дать повод впоследствии утверждать, что русских рабочих арестовывали кавказские горцы под командою генерала, не пользующегося симпатией среди «революционной демократии»¹⁰¹.

Среди современников сложилось впечатление, что Савинков, недовольный функциями обыкновенного посредника, стремился гнуть свою линию и превысил полученные от Керенского полномочия, но нельзя обвинять его в попытке заговора против премьера. Керенский был необходим Савинкову, его фигура не давала скатываться всей схеме к торжеству реакционных сил и потере революционных достижений. Ф. А. Степун, например, объяснял его поведение как «насильническую попытку во что бы то ни стало своею волею и по своему плану связать Керенского с Корниловым». Руководствуясь этим мотивом, Савинков явно «вводил Корнилова в заблуждение в отношении истинных намерений и настроений Керенского»¹⁰². Керенский, вероятнее всего был действительно настроен на осуществление мероприятий, предусмотренных в согласованном варианте «Записки». Однако по прошествии времени с указанных событий, он утверждал, что вызывал войска в Петроград исключительно для обороны

---

¹⁰⁰См.: Мартынов Е. И. Корнилов. (Попытка военного переворота). Л., 1927. С. 80—81;

Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 123—125.

¹⁰¹Савинков Б. К делу Корнилова. Париж, 1919. – 36 с.

¹⁰²Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 431.

города в связи с ухудшением ситуации на фронте после падения Риги 20—21 августа и не ожидал никаких антиправительственных выступлений, заявляя, что большевистское выступление, по имевшимся у него данным, должны были инсценировать провокаторы из «Союза офицеров», дабы спровоцировать решительные действия Корнилова и утверждение его диктатуры в условиях обострившейся ситуации и борьбы с большевизмом¹⁰³. При всем этом кажется маловероятным, что Керенский мог дать Савинкову право подтвердить Корнилову информацию о готовности предпринять «самые решительные и беспощадные меры против членов Совета». Однако, по некоторым данным, в разговоре с глазу на глаз Савинкова с главнокомандующим обсуждались вопросы о кадровых перестановках в правительстве (мнения обоих сошлись на удалении социалистов, в первую очередь, Чернова – на этом настаивал и генерал, и Савинков, требовавший от Керенского включить в списки для ареста социалистов, подозревавшихся в контактах с немецкой разведкой). Реакционное окружение Корнилова в Ставке выдвинуло ему предложение возглавить «Совет народной обороны» в качестве главы директории, сосредоточив в своих руках военную и гражданскую власть, Керенский же в данном варианте рассматривался, либо в качестве марионеточного заместителя, либо в качестве министра юстиции. Впоследствии Савинков заверял, что в ходе последних встреч с Корниловым 23—24 августа в очередной раз предупреждал его: правительство без Керенского немыслимо и вообще чья-либо единоличная диктатура неприемлема: «... просьбу эту генерал Корнилов уважил без возражений, прибавив, что если в Ставке и есть заговорщики, то он арестует их своей властью»¹⁰⁴. Лавр Георгиевич попытался успокоить Савинкова и доказать ему свою позицию: «Передайте Александру Федоровичу, что я буду его всемерно поддерживать, ибо это нужно для блага отечества»¹⁰⁵. По основным вопросам Савинкову и Корнилову удалось добиться согласия, но недоверие Ставки оставалось (по воспоминаниям Деникина, приближенные Корнилова принимали «некоторые меры предосторожности», особенно при

---

¹⁰³ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1991. № 4—5. С. 136; № 6. С. 140.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Мартынов Е. И. Корнилов. (Попытка военного переворота). Л., 1927. С. 80—81.

его беседах с бывшим террористом с глазу на глаз,¹⁰⁶ а генерал А. С. Лукомский считал подозрительным, что Керенский так легко согласился на движение войск к Петрограду, подозревая премьера в провокации, но на тот момент подобные подозрения Корнилов отвергал, будучи довольным достигнутыми соглашениями и полагая, что намерения Ставки и правительства в лице Керенского и Савинкова наконец совпали.

По возвращению в Петроград Савинков обнаружил телеграмму из Ставки с вопросом, принят ли законопроект о смертной казни в тылу. Савинков доложил премьеру о результатах поездки и попросил в ближайшее же время подписать обещанные законопроекты. Убеждая Керенского не затягивать, он ссылаясь на то, что это может дать Ставке повод для восстания: «я дважды предложил Керенскому его подписать и дважды он отказался от подписи. 26-го повторилась та же история <...> я не понимал этих колебаний <...> я сказал, что нерешительность его преступна, что его слабование губит Россию»¹⁰⁷. Александр Федорович пообещал, подписать законопроект в тот же день и представить его на обсуждение во Временное правительство на вечернем заседании, вместо чего сообщил министрам о вскрытии заговора.

На доказательства, предоставленные Керенским (ультиматум, предоставленный Львовым, запись разговора с Корниловым по прямому проводу) Савинков ответил искренним недоумением. По его мнению, сложившаяся ситуация – это мистификация, глупое недоразумение: «Я был убежден, что в основе происходящего лежит недоразумение. Генерал Корнилов, я в этом не сомневался, не принимал участие в заговоре. Три дня назад он уверял меня, что будет верно служить Временному правительству. За три дня не случилось ничего, что могло бы поколебать его решение»¹⁰⁸. Борис Викторович пытался вразумить Керенского, надеялся уладить конфликт и сохранить столь необходимый баланс двух лидеров и стоящих за ними сил.

Однако Александр Федорович не желал идти на встречу главнокомандующему, приводя движение войск на Петроград, как аргумент наличия мятежа, несмотря на то, что войска стягивались к Петрограду по его же инициативе. Не убеждали его и ссылки на то, что разрыв с Корниловым (а

---

¹⁰⁶См.: Деникин А. И. Указ. соч. С. 10.

¹⁰⁷Савинков Б. К делу Корнилова. Париж, 1919. – 36 с.

¹⁰⁸Там же.

вместе с ним и с правыми кругами), станет благодатной почвой для политической реанимации большевиков под знаком борьбы с «контрреволюцией» и обернется катастрофическим ослаблением позиций правительства. Керенский, напротив, утверждал, что победа над «контрреволюцией» вызовет сплочение демократических сил вокруг правительства, а также укрепит боевой дух русской армии: «Утром я спросил Керенского, понимает ли он, что армия после удара, нанесенного ей, погибнет. Керенский ответил, что армия не погибнет, и что, напротив, воодушевленная победой над контрреволюцией, она ринется на германцев и победит»¹⁰⁹.

27 августа Савинков несколько раз связывался по прямому проводу с Корниловым, призывал его не предпринимать действий против правительства, попытавшись отсрочить опубликования новости о выступлении главнокомандующего на Петроград. Но несмотря на все попытки Савинкова удержать ситуацию под контролем, «надежда эта не оправдалась. Некрасов встретил меня словами, что он уже приказал опубликовать о выступлении или, держась официального текста, об измене генерала Корнилова. Он сказал мне кроме того: «Покамест Вы разговариваете по проводу, ингуши подходят к Петрограду»»¹¹⁰. 28 августа Корнилов в своем воззвании назвал все произошедшее «великой провокацией» и обвинил Временное правительство в том, что оно действует под давлением большевиков и в соответствии с планами германского генштаба: «Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагом — до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни»¹¹¹.

Безусловно, Савинков сознавал, что изначально у Корнилова не было замыслов выступления, выходящего за рамки достигнутых договоренностей. Как и предполагалось, 26 августа Корнилов направил Борису Викторовичу телеграмму, сообщавшую, что 3-й корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа, а 29-го правительство должно объявить в столице военное положение. Единственное, что вызвало непонимание Савинкова – отправка на Петроград генерала А. М. Крымова и «Дикой

¹⁰⁹Савинков Б. К делу Корнилова. Париж, 1919. – 36 с.

¹¹⁰Там же.

¹¹¹См.: Деникин А. И. Указ. соч. С. 10.

дивизии». Тем не менее виновником сложившейся ситуации и разрыва сторон он всё же считал премьера Керенского.

Перед Савинковым встал вопрос, какую сторону в данном конфликте принять, учитывая, что времени на раздумья у него не было, решение должно было быть принято быстро и верно, иначе вся предыдущая жизнь, борьба, стремление внести свой вклад в судьбу российской государственности была бы спущена под откос. Выбор для Савинкова был очевиден: как революционер и все еще социалист, он должен был поддержать премьера, символизирующего революцию, свободу, демократию, кроме того, он не мог запятнать себя участием в контрреволюционном мятеже, ведь именно этими красками был описан поход Корнилова. «Выбор Корнилова, восставшего на демократа и социалиста Керенского, означал бы для него отказ от всей прожитой жизни» — слова ближайшего сотрудника Савинкова Степуна¹¹². Пытаясь удержаться на плаву, Борис Викторович принимает предложение Керенского и становится военным губернатором Петрограда, а также исполняющим обязанности командующего войсками Петроградского округа. Савинков опасался, что его отказ будет воспринят как фактическое признание участия в «мятеже». Зинаида Гиппиус сложившуюся ситуацию комментировала так: «Не было двух сторон, не было «корниловской» стороны. Если б Савинков ушел от Керенского — он ушел бы в никуда; но этому никто не поверил бы: его уход был бы только лишним доказательством бытия корниловского заговора»¹¹³ Сам же Савинков в «Автобиографии», написанной в 1921 году, объяснял свое решение тем, что «всякая вооруженная попытка, направленная тогда против Временного правительства, <...> могла только способствовать торжеству большевизма»¹¹⁴.

И действительно, теперь уже понимая опасность стремительного усиления большевиков, Савинков старается сдерживать их влияние и препятствует прибытию в город кронштадтских матросов. Он стремился предотвратить и открытые вооруженные столкновения с войсками, двигавшимися к Петрограду, и это удалось. Части 3-го конного корпуса остановились под Лугой, а «Дикая дивизия» — у Царского Села. Защитники

¹¹²Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 438.

¹¹³Гиппиус З. Указ. соч. С. 189.

¹¹⁴Савинков Б. В. Автобиография. // Воздушные пути. Альманах. № 5. New York, 1967. С. 312.

Временного правительства братались с «мятежниками», которые, согласно приказам, шли в Петроград тоже для спасения правительства. Запутавшийся генерал Крымов пришел в Зимний дворец к Керенскому и после бурных объяснений был отпущен на свободу с обязательством явиться на допрос. Час спустя Крымов застрелился. Его гибель сразу обросла слухами, среди которых и имело место и предположение, что он был застрелен Савинковым, но доказательства эти слухи так и не получили.

Однако уже 31 августа Савинков лишился полномочий генерал-губернатора и всех остальных должностей. Скорее всего, это решение Керенского стало следствием давления со стороны лидеров социалистических партий, обвинявших Савинкова в «двойной игре» — они считали его причастным к организации «корниловского мятежа», несмотря на все старания Савинкова откреститься от этих обвинений. ЦК партии эсеров безуспешно требовал, чтобы Савинков явился для объяснений по «делу Корнилова». Борис Викторович отказался, заявив, что ЦК не имеет в его глазах «ни морального, ни политического авторитета» и 9 октября он был исключен из партии¹¹⁵.

2.2. Участие Б.В. Савинкова в походе Краснова-Керенского на Петроград.

В октябре 1917 года в связи с большевистским восстанием и последовавшими за ним событиями, Савинков занимает строго антибольшевистскую позицию и будет придерживаться ее до конца своих дней в 1925 году, лишь при аресте признав власть большевиков и ошибку своего курса (искренним ли было его заявление по-прежнему остается загадкой): «Я — революционер. А это значит, что я не только признаю все средства борьбы вплоть до террористических актов, но и борюсь до конца, до той последней минуты, когда либо погибаю, либо совершенно убеждаюсь в своей ошибке»¹¹⁶. Идея борьбы с большевизмом с октября 1917 года стала для него главным жизненным ориентиром, он был готов сотрудничать с кем

---

¹¹⁵ Архипов Борис Савинков: террорист и литератор // Звезда, №10. – 2009.

¹¹⁶ Савинков Б. В. Борьба с большевиками. // Литература русского зарубежья. Т. 1. Книга 2. М., 1990. С. 151—152.

угодно, не вдаваясь в нюансы идеологические и политические — лишь бы это способствовало «делу»¹¹⁷.

Осенью 1917 года выяснилось, что с разгромом генерала Корнилова Керенский потерял те силы, которые могли бы противостоять крайне левым, прежде всего большевикам, поскольку правый фланг политического фронта, основу которого составляли военные, оказался им разрушен по инициативе самого Керенского. Предупреждение Савинкова об опасности подобной схемы остались не услышанными, и в конце октября Керенскому пришлось увидеть результаты собственной недальновидной политики, которая позволила усилиться большевикам и увеличить их авторитет среди населения в качестве борцов с контрреволюцией.

Савинков вспоминал, что 25-го октября к нему на квартиру приходили офицеры с сообщением о том, что большевики выступили, но предупреждали, что защищать Керенского их части не будут: «Представители всех трех казачьих полков, стоявших в Петрограде (1, 4 и 14), заявили, что они не будут сражаться против большевиков. Свой отказ они объяснили тем, что уже однажды, в июле, подавили большевистское восстание, но что министр-председатель и верховный главнокомандующий Керенский «умеет только проливать казачью кровь, а бороться с большевиками не умеет» и что поэтому они Керенского защищать не желают»¹¹⁸. Борис Викторович пытался вразумить офицеров, чтобы спасти Временное правительство и не дать захватить власть столь ненавистным ему большевикам: «Я попытался доказать обоим офицерам, что каково бы ни было Временное правительство, оно все-таки неизмеримо лучше, чем правительство Ленина, Троцкого и Крыленки. Я указывал им, что победа большевиков означает проигранную войну и позор России. Но на все мои убеждения они отвечали одно: «Керенского защищать мы не будем»»¹¹⁹.

---

¹¹⁷Архипов Борис Савинков: террорист и литератор // Звезда, №10. – 2009.

¹¹⁸Савинков Б. В. Борьба с большевиками. // Литература русского зарубежья. Т. 1. Книга 2. М., 1990.

¹¹⁹Там же.

Керенскому срочно необходимо было найти себе опору. На тот момент его еще поддерживали умеренные социалисты (эсеры, меньшевики и т.д.), все еще находившиеся в Советах. Александр Федорович обратился к ним 24 октября на заседании Предпарламента с требованием подавления вооруженного восстания большевиков, начавшегося в Петрограде. Однако его сторонники отклонили требование, отдав предпочтение политической борьбе, предлагая срочно перенять большевистские лозунги, таким образом выбив почву у них из-под ног. Подобную позицию правых социалистов можно объяснить тем, что они все же происходили из одного лагеря с большевиками, они тоже претендовали на представительство рабочего класса и крестьянства, пойти с оружием в руках против большевиков могло стоить им репутации и поддержки населения. Помимо этих идей лидеры революционной демократии вполне допускали, что Керенский как верховный главнокомандующий все же сумеет найти на фронте и направить в Петроград несколько полков или дивизий, которые сделают то, что не сумел сделать Корнилов¹²⁰.

Неудовлетворенный предложением Предпарламента, Керенский, по видимому, решает покончить с большевизмом, используя военный метод. В тот же день 24 августа он отправляется на Северный фронт в надежде найти среди войск поддержку для подавления большевистского восстания.

Савинков же лихорадочно пытается предпринять все возможные меры для сохранения Временного правительства. Будучи членом Союза казачьих войск, он пытается объединить свои усилия с генералом Алексеевым, чтобы занять Зимний дворец до прихода большевиков, но «этим военным действиям не суждено было осуществиться. В два часа ночи, раньше чем казаки и юнкера успели собраться, Зимний дворец был взят большевистскими войсками.. Члены Временного правительства были арестованы. Защищавшие их женщины и юнкера были убиты»¹²¹. Существует, однако, версия, что генерал Алексеев будто бы с самого начала отклонил предложение

---

¹²⁰ Иоффе Г. Революционер. Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. №21. – 2009

Савинкова, считая, что в Петрограде и его окрестностях практически нет сил, способных подавить большевиков и решив понапрасну не проливать кровь казаков и юнкерской молодежи. Он считал, что борьбу с ними надо теперь начинать с окраин, прежде всего с казачьих территорий, конкретно — с Дона¹²².

Тем временем все попытки Керенского в штабе Северного фронта организовать движение на Петроград хотя бы какой-то группы войск наталкивались на сопротивление главнокомандующего армиями фронта генерала Черемисова. Он то отдавал приказ войскам грузиться в эшелоны для движения на Петроград, то отменял их, не желая, по его словам, «вмешиваться в петроградскую передрагу». Не без труда комиссар Северного фронта В. Войтинский сумел сговориться с командиром 3-го конного корпуса генералом П.Н. Красновым о том, что несколько казачьих сотен пойдут против большевиков в Петроград. Об этом сообщили Керенскому, он тут же присоединился к Краснову. Сам генерал Краснов так говорил о своем отношении к Керенскому: «Я никогда, ни одной минуты не был поклонником Керенского. Я его никогда не видал, очень мало читал его речи, но всё мне было в нем противно до гадливого отвращения <...> он разрушил армию, надругался над военной наукою, и за то я презирал и ненавидел его <...> А вот иду же я к нему этою лунною волшебною ночью, когда явь кажется грезами, иду, как к верховному главнокомандующему, предлагать свою жизнь и жизнь вверенных мне людей в его полное распоряжение? Да, иду. Потому что не к Керенскому иду я, а к родине, к великой России, от которой отречься я не могу. И если Россия с Керенским, я пойду с ним. Его буду ненавидеть и проклинать, но служить и умирать пойду за Россию. Она его избрала, она пошла за ним, она не сумела найти вождя способнее, пойду помогать ему,

---

121 Савинков Б. В. Борьба с большевиками. // Литература русского зарубежья. Т. 1. Книга 2. М., 1990.

122 Иоффе Г. Революционер. Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. №21. – 2009

если он за Россию...»¹²³ Казаки Краснова тоже шли за Керенским, но отношение к нему, как к предателю Корнилова, это не меняло, что наглядно демонстрирует эпизод с поручиком Карташовым: «Доложите мне, поручик, — говорит он, — это очень интересно», — и протягивает руку Карташову. Тот вытягивается, стоит смирно и не дает своей руки. «Поручик, я подаю вам руку», — внушительно заявляет Керенский. «Виноват, господин верховный главнокомандующий», — отчетливо говорит Карташов, — я не могу подать вам руки. Я — корниловец!»¹²⁴

Несмотря на давно изменившееся отношение Савинкова к Керенскому, узнав о том, что казаки Краснова заняли Царское Село, он вместе со своим адъютантом под видом рабочих отправился к Краснову с предложением своей помощи и поддержки: «В цепях разговаривает с казаками статный, красивый человек средних лет, с выправкой отличного спортсмена в полувоенном платье, с амуницией и биноклем. «Савинков», — говорит он мне. <...> Савинков соглашается со мною. Он говорит мне несколько слов по поводу того, как лестно обо мне и любовно отзывались казаки»¹²⁵. Генерал Краснов принимает Савинкова, будучи тем не менее удивлен их странным союзом: «Революционер и царский слуга! Как все это странно!»¹²⁶

Встреча с Керенским прошла в менее приятной обстановке – бывшие союзники теперь с трудом могли находиться в одном лагере: «Я сказал ему, что приехал из Петрограда, чтобы принять участие в борьбе с большевиками. Керенский выслушал меня и не дал мне никакого назначения – я считался уже тогда «контрреволюционером»¹²⁷. Керенский же в своих воспоминаниях крайне негативно и откровенно отзывался о Савинкове: «Савинков -- в моем отряде, как делегат совета союза казачьих войск? Это появление тогда, и

¹²³Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции, т. 1., Берлин, 1922.

¹²⁴Там же.

¹²⁵Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции, т. 1., Берлин, 1922.

¹²⁶Там же.

¹²⁷Савинков Б. В. Борьба с большевиками. // Литература русского зарубежья. Т. 1. Книга 2. М., 1990.

потом долгое время спустя оставалось для меня совершенной загадкой? Какими путями и средствами Савинков – по его собственному домогательству назначенный мной начальником Петрограда против войск Корнилова, – Савинков, первый в своем воззвании назвавший восставшего генерала изменником, -- каким образом он заручился доверием совета казачьих войск, - организации до конца преданной Корнилову. Ведь все эти Дутовы, Анисимовы и проч. казачьи политиканы были злейшими врагами Временного Правительства и, в особенности моими»¹²⁸. Однако реалии времени требовали бывших соратников объединиться, что бы ими не двигало – личные амбиции и сохранение власти, желание войти в историю, или же спасение России.

Однако, в мемуарах генерала Корнилова мы можем встретить информацию, что Савинков предлагал избавиться от Керенского, поведение которого возмущало офицеров, арестовать его, а во главе движения поставить самого Краснова, утверждая, что «с Вами и за Вами пойдут все»¹²⁹. Генерал все же отказался от данного предложения, мотивировав свое решение тем, что он не смог бы привлечь на свою сторону солдатские массы, поскольку не хотел и не мог переступить через себя и заключить перемирие с Германией на любых условиях, а «без этого — без мира — свержение и арест Керенского только сделали бы из него героя и еще более усилили бы разруху»¹³⁰. Кроме того, у генерала были и другие обстоятельства, не позволявшие поступить подобным образом: «Была и еще одна деликатная сторона дела. Керенский явился ко мне искать у меня спасения и помощи. Я не отказал в ней, я не прогнал его сразу. Он был до некоторой степени гостем у меня, он мне доверился, и арестовывать его было бы нечестно, неблагородно, не солдатски. Я отверг предложение Савинкова»¹³¹. Стоит отметить, что сам Савинков в своих воспоминаниях никогда не упоминал о подобном эпизоде.

¹²⁸ Керенский А.Ф. Гатчина. М. – 1922.

¹²⁹ Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции, т. 1., Берлин, 1922.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

Однако стоит отметить, что Борис Викторович в воспоминаниях никогда не забывал упомянуть о своем участии в бою под Пулково. Относительно его роли в сражении данные источников разнятся, поэтому стоит относиться к ним критически. Так, например, сам Савинков говорит о своей чуть ли не решающей роли в принятии решения об отступлении: «И только когда стемнело и выстрелы стали реже, он написал на клочке бумаги несколько слов и передал мне. Я прочел: «У нас нет больше ни снарядов, ни ружейных патронов. Что делать?» Я ответил карандашом: «Отступить к Гатчине и ждать обещанных подкреплений». Генерал Краснов мне сказал: «Я тоже думаю так». Потом он отдал приказ отступить»¹³². На наш взгляд кажется маловероятным, чтобы многоопытный генерал мог интересоваться мнением штатского человека в столь серьезном вопросе. В своих мемуарах Краснов упоминает Савинкова лишь в контексте его поведения на позициях: «За мною целая свита, чего я так не люблю. Савинков не отстает от меня, как бы рисуясь своим нахождением в цепях. С ним — два каких-то штатских, только что прибывших из Петрограда <...> Но появляются раненые и настроение меняется. Редкое Кузьмине пустеет. Посторонних — никого. Один Савинков бесстрашно ходит по цепям и смотрит в бинокль на Пулково»¹³³.

Савинков пытался убеждать казаков во чтобы то ни стало продолжать борьбу с большевиками, но председатель казачьего комитета есаул Ажогин прямо заявил ему, что если он приехал защищать и спасать Керенского, то его миссия напрасна. Ажогин сказал Савинкову и Клепикову, что казаки готовы предложить формирование правительства Г.В. Плеханову, который в это время жил в Царском Селе. Он просил Савинкова переговорить с Плехановым, Борис Викторович решил попробовать ухватиться за эту мысль, как за возможность решить ситуацию. Создается впечатление, что он

---

¹³²Савинков Б. В. Борьба с большевиками. // Литература русского зарубежья. Т. 1. Книга 2. М., 1990.

¹³³Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции, т. 1., Берлин, 1922.

лихорадочно искал сильную и авторитетную фигуру, вокруг которой можно было бы сплотить силы против большевиков. Переговоры состоялись, но результатов не дали: «Я ночевал эту ночь у покойного ныне Плеханова. Я рассказал ему о положении генерала Краснова. Он выслушал меня и спросил: «Что же, если казаки победят, Керенский на белом коне войдет в Петроград?» Я промолчал. И тогда Плеханов сказал: «Бедная Россия!»¹³⁴ По другой версии Плеханов ответил отказом: «Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не буду его расстреливать тогда, когда он идет по ложному пути. И вам не советую этого делать. Не делайте этого во имя вашего революционного прошлого!»¹³⁵ В свое время Плеханов с уважением и симпатией относился к Савинкову как к революционеру, но весьма прохладно воспринимал его литературное творчество, особенно «Конь бледный» и «То, чего не было» в связи с савинковской критикой высоких «партийных комитетчиков», считающих, что это они управляют революционными действиями масс. Таким образом, вовлечь Плеханова в схватку с большевиками Савинкову не удалось.

Борис Викторович сдаваться не собирался, поэтому, стремясь обеспечить подкрепление для Краснова, он решил пробиться и пробился в Псков, в штаб Северного фронта, где штабные офицеры дали понять, что Черемисов вряд ли отдаст четкий приказ о поддержке Краснова: «Генерал Черемисов за эти два дня отдал пять противоречивых приказаний. То он приказывал погрузиться, то стоять в Луге, то опять грузиться, то возвращаться на Юго-Западный фронт. Люди истомились и перестали что-либо понимать. Большевики, разумеется, ведут пропаганду. Сбивают их с толку. Кроме того, говорят, Гатчина уже пала»¹³⁶. Савинков не мог объяснить себе поведение генерала Черемисова: «Какими соображениями руководился

---

¹³⁴Савинков Б. В. Борьба с большевиками. // Литература русского зарубежья. Т. 1. Книга 2. М., 1990.

¹³⁵Архипов Борис Савинков: террорист и литератор // Звезда, №10. – 2009

¹³⁶Савинков Б. В. Борьба с большевиками. // Литература русского зарубежья. Т. 1. Книга 2. М., 1990.

генерал Черемисов, мне неизвестно. Быть может, он тоже не хотел защищать Керенского. Быть может, он сочувствовал большевикам. Как бы то ни было, его приказание сыграли в то время решающую роль. Уже не оставалось надежды, что можно двинуть какие бы то ни было верные части на Петроград. Для этого надо было бы арестовать генерала Черемисова. Но кругом него были большевики»¹³⁷. В результате Борис Викторович вынужден был признать безуспешность попыток найти здесь поддержку Краснову и принимает решение вернуться в Петроград.

Тем временем в Гатчине произошли переговоры между казаками и представителями большевиков о возможном перемирии: «красные» пропускают казаков на Дон, а большевики арестовывают Керенского, сохраняют свое правительство, но не включают туда Ленина и Троцкого. Трухин и Дыбенко понимали, что всем договоренностям с красновскими казаками копейка цена и на словах соглашались на все, лишь бы поставить окончательную точку в этом красновском походе¹³⁸. Казаков отпустили на Дон, генерала Краснова отправили в Петроград, где в Смольном взяли с него слово в том, что отныне он прекращает борьбу с Советской властью, а Керенскому, переодевшемуся матросом, удалось бежать из Гатчины на автомобиле (Краснов в своих мемуарах утверждает, что он предупредил Керенского, дав ему возможность бежать, Керенский же в своей «Гатчине» обвиняет Краснова в том, что тот хотел сдать его большевикам). В итоге поход Керенского-Красного на Петроград заканчивается поражением, а Савинков продолжает искать возможности для борьбы с большевистской властью.

На Дон, где начиналось формирование Добровольческой армии, Савинков прибыл в конце ноября. Генералы М. В. Алексеев, А. М. Каледин и А. И. Деникин встретили его без особого энтузиазма, а Л. Г. Корнилов

---

¹³⁷Там же.

¹³⁸Иоффе Г. Революционер. Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. 2009. №21.

поначалу вообще отказывался его принимать. Потом, на допросах в ГПУ, объясняя решение отправиться в Новочеркасск, Савинков говорил: «Что же мне было делать: один бороться я не могу. В эсеров не верил, потому что видел их полную растерянность, полное безволие, отсутствие мужества <...> а кто боролся? Да один Корнилов! И я пошел к нему!»¹³⁹ При формировании «Донского гражданского совета» Борис Викторович требовал, чтобы он и другие социалисты были включены в его состав. «Савинков доказывал, что «отмежевание от демократии составляет политическую ошибку», что в составе Совета необходимо включить представителей демократии в лице его — Савинкова и группы его политических друзей, что такой состав Совета снимет с него обвинение в скрытой реакционности и привлечет на его сторону солдат и казачество; он утверждал, кстати, что в его распоряжении имеется в Ростове значительный контингент революционной демократии, которая хлынет в ряды Добровольческой армии, — вспоминал А. И. Деникин. — На одном из военных совещаний генерал Алексеев предъявил ультимативный запрос Савинкова относительно принятия его условий. Конечным сроком для ответа Савинков назначал 4 ч. дня (было 2), после чего оставлял за собой «свободу действий». <...> Условия, однако, были приняты на том основании, что не стоит наживать врага. <...> Участие Савинкова и его группы не дало армии ни одного солдата, ни одного рубля и не вернуло на стезю государственности ни одного донского казака; вызвало лишь недоумение в офицерской среде»¹⁴⁰.

Об отношении к Савинкову части офицеров свидетельствуют не только интриги, но и попытки покушений на него. Борис Викторович вспоминал, как однажды к нему на квартиру пришел увешанный оружием молодой офицер, которого, вероятно, остановил лишь гипнотический взгляд легендарного террориста. Начальник штаба Главнокомандующего Добровольческой армии И. П. Романовский, монархист по убеждениям, но чуждый крайностей и

---

¹³⁹ Дело Бориса Савинкова. М. 1924. С. 153.

¹⁴⁰ Деникин А. И. Указ. соч. С. 190—191.

симпатизировавший Савинкову, убеждал: «Уезжайте отсюда безотлагательно. Послезавтра может быть уже поздно. Помогайте нам извне. Здесь ваши враги сильнее ваших друзей, потому что они являются здесь стихией»¹⁴¹. В середине января 1918 г. Савинков покинул Дон и возглавил столь близкую ему подпольную работу в Москве, открыв новую страницу в своей борьбе с властью большевиков.

Заключение

Подводя итоги нашему исследованию, следует отметить, что в результате работы была достигнута цель и осуществлены поставленные перед нами задачи, несмотря на некоторые трудности, обусловленные объектом исследования.

Борис Викторович Савинков – неоднозначная, в некотором смысле одиозная и легендарная фигура в истории России первой четверти XX века. Особенности его характера, мировоззрения, противоречия между литературным обликом и реальным человеком, талант заговорщика и организатора, человека действия, стремящегося к борьбе во что бы то ни стало, дают благодатную почву для изучения личности Савинкова, обеспечивая неугасающий интерес ученых. Однако не следует забывать, что неординарность личности и разноплановость ее оценок в среде современников и научной литературе создают определенные трудности для исследователя. Необходимо учитывать весь спектр разнородной информации, пропуская ее через призму политической ситуации и идеологии авторов, дабы не оказаться предвзятым и необъективным в стремлении сделать собственные выводы.

---

¹⁴¹См. Архипов Борис Савинков: террорист и литератор // Звезда, №10. – 2009.

Основываясь на материалах источников и анализируя исследовательскую литературу, нам удалось не только выстроить стройную последовательность действий Бориса Савинкова в течение 1917 года, но и дать характеристику столь необычной для него деятельности в рядах официальной власти.

Изучение эмигрантского периода жизни Савинкова дало нам понимание причин последующего возвращения на родину и присоединения к правому крылу социалистов. Борис Викторович тяжело переживал свою ненужность, вынужденную эмиграцию, отход от политической подпольной деятельности, которая была необходима ему как воздух, что объясняет его стремительные действия после приезда в Россию и погружение в пучину политических событий. Единственное, что вдохнуло жизнь в Савинкова во Франции – возможность применить себя и свои литературные способности на должности военного корреспондента. Его энтузиазм в данном вопросе остался практически незамеченным в России, но оказал фатальное влияние на выбор будущих союзников по политической деятельности. Застав войну во Франции, видя боевые действия на Западном фронте, он проникся строго патриотическим отношением французов и англичан, искренне веруя в оборонительный характер войны для Антанты и в безоговорочное поражение противника. На Западном же фронте Савинков пришел к мысли об особой роли русского солдата и России в победе над врагом, а также, на наш взгляд, именно из французской эмиграции он вынес для себя идею непоколебимой веры в войну до победного конца. Именно вопрос отношения к войне стал для Савинкова признаком патриотической позиции человека, и соответственно, определил выбор будущих коллег по политической деятельности, стойкое отвращение к большевикам и Октябрьской революции.

В результате нашего исследования был сделан вывод о том, что упущение роли Савинкова в событиях как предшествующих выступлению, так и в самом выступлении Корнилова, является неприемлемым. Несмотря на противоречивость сведений, очевидно вырисовывается посредническая

миссия Савинкова между Керенским и генералом Корниловым, цементирующая до определенного момента связь между двумя лидерами. Выбирая личностей, способных удержать власть и не дать, как потерять достижения буржуазной революции, так и не допустить социалистическую, восстановить армию, доведя Россию до победы в Первой мировой войне, обеспечить поддержку тыла и спокойствие народных масс, он ориентировался на собственное чутье, политическую ситуацию и имевшиеся варианты, лавируя между несколькими политическими течениями. В данном эпизоде мы видим Савинкова эпохи эсеровского террора, прекрасного манипулятора и организатора, который томился в нем со времени отъезда из России. Он планировал осуществить хитроумный политический ход, где на первых ролях были другие люди, а он сам оставался в тени, имея при этом огромную власть над ними (речь идет об упоминавшемся нами выше триумvirате Керенский-Савинков-Корнилов). Мотивация же данного решения остается спорной. С одной стороны, это желание получить так долго ускользавшую от него власть, оставить свой след в истории, выполнить свое предназначение, с другой – искренняя любовь к России и стремление спасти Отечество. Нам кажется обоснованным сочетание этих элементов. Не секрет, что Савинков считал себя особенным человеком, на которого возложена какая-то важная миссия, помимо этого ему не было чуждо самолюбование и эгоизм. При этом, Бориса Викторовича нельзя упрекнуть в отсутствии патриотизма и любви к России, служению которой он посвятил свою жизнь.

Выбор между Керенским и Корниловым во время начавшегося выступления не был для Савинкова простым. Не случайно он до последнего пытался урегулировать ситуацию и вразумить обоих. Однако в критический момент Борис Викторович встает на сторону Керенского, несмотря на то, что к августу 1917 года его вера в Александра Федоровича значительно пошатнулась, и он неоднократно подавал в отставку. Понимая, что момент упущен, блестящая идея совмещения прекрасного оратора и уважаемого в армии генерала провалилась, Савинков делает свой выбор в пользу первого,

зная о провокационности обвинений второго. На основе имеющихся данных, можно сделать вывод о том, что Борис Викторович не мог поддержать Корнилова, выступление которого было окрещено контрреволюционным, и таким образом очернить свою репутацию социалиста, в прошлом борца за революционные идеалы. Вероятно, он не верил в успех Корнилова без Керенского и в возможность удержания власти при его единоличной диктатуре.

Ставка на Керенского оказалась для Савинкова неудачной, но политическая ситуация не оставила ему выбора. Вновь дороги Савинкова и Керенского сошлись во время похода Краснова-Керенского на Петроград, в котором Борис Викторович стремился принять максимально деятельное участие. Вынужденное сближение уже откровенно недолголюбивавших друг друга Савинкова и Керенского объяснялось исключительно сложившейся катастрофической ситуацией, опасностью установления большевистской власти. Если весной Савинков «всей душой был с Керенским», искренне веря в его успех, то осень 1917 г. показала отвращение Савинкова к бывшему премьеру, из чего можно сделать вывод о том, что при принятии судьбоносных решений Борис Викторович в основном руководствовался практическими и рациональными соображениями, личные симпатии отодвигая на второй план.

Роль Савинкова в походе на Петроград не была основополагающей. Тем не менее следует отметить энтузиазм Бориса Викторовича и его готовность сделать максимум для успеха того дела, в которое он верит, даже не смотря на антипатию к своим политическим союзникам. Не исчезла в нем и авантюрная составляющая, когда он пытался предложить возглавить движение большому Плеханову или установить диктатуру Краснова в обход Керенского – еще одно подтверждение его заговорщических и конспиративных навыков.

После неудавшегося похода на Петроград Савинков предпринял попытку присоединиться к формирувавшейся Добровольческой армии. Подобный шаг говорит о том, что к концу 1917 года необходимость служения социалистическим идеалам сходит на нет, Савинков готов пойти на

сближение с контрреволюционными силами, не боясь запятнать свою репутацию, как это было в августе 1917 г. (требование Савинкова привлечь других социалистов было необходимым лишь для привлечения солдат и казачества). Главным для него становится борьба с большевистской властью по причине ее незаконности, а впоследствии и по причине заключения мира с Германией, которое Савинков рассматривал как предательство.

Известно, что Борису Викторовичу были чужды политические программы партий, несмотря на то, что он сам до сентября 1917 г. состоял в партии эсеров. Гораздо более важной для него была борьба во всех ее проявлениях. В тот короткий момент нахождения у власти с огромными полномочиями, Савинков смог проявить себя, как организатор, манипулятор, дальновидный политик. Однако этот скоротечный период быстро сменился очередной борьбой с официальным режимом. Возможно, главной проблемой Савинкова и являлось отсутствие принципиальных политических убеждений – лишь отношение к войне, помимо самолюбия, двигало его идеологическими симпатиями.

В заключение можно отметить, что разработка тем, связанных с жизнью и деятельностью Б.В. Савинкова далеко не исчерпана. Борис Викторович Савинков - сложная и неоднозначная фигура на российском политическом горизонте начала XX века. Данная работа представляет собой лишь одно из исследований, направленных на разработку и обобщение материала, касающегося этой личности. В своей работе мы обратили внимание на отдельные моменты деятельности Савинкова, и этот материал может оказаться полезен для будущих исследователей. Детальное изучение жизни и деятельности Б.В. Савинкова только начинается и не теряет свою актуальность в связи с параллельным затрагиванием многих проблем новейшей истории России, среди которых можно отметить историю русских революций, гражданской войны, русской эмиграции и общественно-политических движений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**Источники:**

1. Амфитеатров и Савинков: переписка 1923-1924. / Публ. Э. Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева // Минувшее: Исторический альманах. М. – СПб, 1993. – Т. 13. – С. 72-160.
2. Борис Савинков на Лубянке [Сборник документов]. Издательство: Российская политическая энциклопедия. 2001.
3. Бурцев В. Борьба за свободную Россию Мои воспоминания. (1882-1922 гг.) Том I. Берлин. Издательство «Гамаюн». 1923.
4. Гиппиус З.Н. Дневники. Кн. 2. / З.Н. Гиппиус. М.: Интелвак, 1999. – 720с.
5. Гиппиус З. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914—1918. Белград, 1929.
6. Дело Бориса Савинкова. М. 1924.
7. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917 г. Репринтное воспроизведение / А.И. Деникин. М.: Наука, 1991. – 518 с.
8. Дневник Б.Савинкова // Гласность, 1990, №1-5.
9. Керенский А.Ф. Гатчина. М. – 1922.
10. Керенский А. Ф. Дело Корнилова. — М.: Задруга, 1918. — 194 с.
11. Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. /Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Цетрполиграф, 2006. – 524 с.
12. Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции, т. 1., Берлин, 1922.
13. Лукомский А.С. Из воспоминаний. Корниловское выступление и начала Добровольческой армии / А.С. Лукомский // Архив русской революции. Т. 5-6. – М., 1991.
14. Савинков Б. В. Автобиография. // Воздушные пути. Альманах. № 5. New York, 1967.
15. Савинков Б. К делу Корнилова. Париж, 1919. – 36 с.

16. Савинков Б.В. Борьба с большевиками / Б.В. Савинков. Варшава: Изд-во РПК, 1920. – 48 с.
17. Савинков Б. Во Франции во время войны. М., 2008.
18. Савинков Борис. «Мой труд не принес мне ничего кроме горя...» [Из переписки] / Пред . В. Савина // Источник, 1995, №4.
19. Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993.
20. Степун Ф. А. Из писем прапорщика артиллериста. 1917, 2-е изд., Прага, 1926.
21. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. New York, 1956, 2-3 изд. — London, 1990.
22. Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920.
23. Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915-1918). Подборка материалов // Звезда. 1996. – № 2. – С. 157-201.

Исследовательская литература:

1. Арский П. А. Загадка Савинкова: Сборник статей. Л., 1925. – 96 с.
2. Архипов И. Борис Савинков: террорист и литератор // Звезда, 2008, №10.
3. Архипов И. Патриотизм в период кризиса 1914-1917 годов //Звезда, 2009, №9.
4. Городницкий Р.А. Савинков в 1911 – 1914 гг. // Вопр. отеч. истории и историографии. М., 1999. Вып. 2.
5. Гончарова Е. И. «Революционное христовство»: З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов и Б. В. Савинков в 1911 году //Русская литература. 2005. № 1.
6. Жуков Д.А. Б. Савинков и В. Ропшин: террорист и писатель / Д.А. Жуков // Савинков Б.В. То, чего не было. М.: Современник, 1992.
7. Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 году и её разгром / Н.Я. Иванов. М.: Мысль, 1977. – 271 с.
8. Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов / Г.З. Иоффе. М.: Наука, 1989. – 286 с.

9. Иоффе Г. Революционер. Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. №21. – 2009.
10. Иоффе, Генрих. То, что было. К 130-летию со дня рождения Б. Савинкова // Новый Журнал, 2009, №254.
11. Коровин В.В., Русамов Э.П. Дело Б. Савинкова // История СССР, 1967, №6.
12. Литвин А., Могильнер М. Савинков многоликий: политическое завещание «генерала от террора» // Родина, 2001, № 3.
13. Луначарский А. Артист авантюры / А.В. Луначарский // Коммунистический путь. Саратов, 1924. – № 20. – С. 41-45.
14. Мартынов Е. И. Корнилов. (Попытка военного переворота). Л., 1927.
15. Неснов С. В. Политическая деятельность Б.В. Савинкова: 1917-1925. Автореферат диссертации по истории. 2007.
16. Октябрьское вооружённое восстание. Семнадцатый год в Петрограде. В 2-х кн. Кн. 2. Вооружённое восстание. Победа социалистической революции / Отв. ред. А.Л. Фрайман. Л.: Наука, 1967. – 611 с.
17. Рейнгард Ф. Из воспоминаний (1917-1918). Публикация и вступительная заметка Н. Владимировой // Звезда, 2008, №7.
18. Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 8. М., 2000.
19. Розинская О.В. Два лика, две судьбы (о политической и литературной деятельности Б. Савинкова в эмиграции) / Вестник МУ, серия 9. Филология. – 1999. №1, с. 50-59.
20. Смолин А.В. 1917 год: Торнео – дорога в Россию. Новейшая история России / Modern history of Russia. 2015. №2.
21. Старцев В. И. Тайны русских масонов. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 2001.
22. Федюк В. П., Ушаков А. И. Корнилов. Москва: Молодая гвардия, ЖЗЛ 2006. – 398 с.
23. Фролова Е. Иноходец // Звезда, 2008, №10.
24. Шамаро А. Болото ропшинских переживаний // Наука и религия, 1966, № 4, с. 32-36.
25. Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. — М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2007.
26. Шенталинский В. Свой среди своих: Савинков на Лубянке / В. Шенталинский // Новый мир. – 1996. – № 7. № 8.
27. Шкаренков Л.К. Загадка Б. Савинкова // Россия и современный мир. – 1995. – №1.

